

Встретимся во снах

Ирма Гринёва

18+

Ирма Гринёва

Встретимся во снах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70359109

SelfPub; 2024

Аннотация

Тем, кто потерял любовь, говорят, что время залечивает раны. Надо собраться. Надо жить дальше. И всё в том же духе. Бесплезные, пустые слова... Чем могут помочь те, кто не любил? Не любил так, как она? Не был любим таким, как он? Разве можно найти слова, чтобы описать, чтобы прочувствовать? Тот, кто не пьянел от божественного вина, никогда не ощутит его вкус на своём языке, пока сам не попробует...

Ирма Гринёва

Встретимся во снах

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Голубые глаза встречаются примерно у 20% населения Земли.

Голубые глаза означают холодность натуры, отстраненность и обособленность от окружающего мира. Чем чище цвет глаз, тем сдержаннее в проявлении своих чувств их обладатель. Часто такие глаза встречаются у талантливых, оригинальных, одаренных людей с неординарным подходом к действительности. Голубоглазые люди – это творцы. Их интеллект выше, чем у представителей с другим цветом глаз.

Голубоглазые молниеносно, без тени сомнений принимают решения, а при изменении обстоятельств не теряются, быстро адаптируясь к ним. Они довольно требовательны, строги по отношению к себе и окружающим. Для достижения цели они готовы на все. И дело не только в упрямстве, которое, несомненно, им присуще. Голубоглазые люди не получают, да и не ждут подарков судьбы. Они не выигрывают в лотерею, у них нет нужных влиятельных знакомых. Они всего достигают сами.

Под внешней отстраненностью может скрываться сентиментальность, романтичность, однако не всем удастся про-

биться к ней, поэтому часто голубоглазые остаются непонятыми, одинокими. Таким людям свойственна обидчивость, даже по пустякам, ранимость, повышенная чувствительность, которые они тщательно пытаются от всех скрывать.

Мифы утверждают, что голубая палитра радужки глаза была у богов. Но самый удивительный и поразительный факт (и тому есть доказательства), что первые фараоны были все как на подбор, высокими, белокожими с длинными бородами и,, голубыми глазами. Древнекитайские легенды повествуют, что китайские императоры ведут свою родословную от богов с голубыми глазами и светлыми волосами. В «Рама-яне» – важнейшей священной книге индуизма, в описании облика Кришны назван цвет его глаз – голубой.

Не пора ли решиться? *(продолжение рассказа «Куда смотрят мужики?» из сборника «Зеленые глаза»)*

А сколько ещё неизведанного! или Игра в кошки-мышки

Настоящая итальянская жена

Найду! Обниму! Не отдам никому!

Любовь стоит того, чтобы ждать

Чистой воды блеф

Всё, возможно, будет не так уж и плохо!

Ты ворвалась в мою жизнь непрошено...

А если это любовь, то...

Наш неоконченный роман

Так вот она какая – любовь! *(продолжение рассказов «...»)*

*И мы станем единым целым» из сборника «Зелёные глаза»
и «Благодаря и вопреки» из сборника «Карие глаза»)*

Пять слов на букву «Л»

Все цветы в твоих руках

Кто бы мог подумать?

Молчун ты мой любимый!

Она сказала: «Нет!»

Приди в такое время...

Встретимся во снах

Встретимся во снах

1

В первый раз за всё время увлечения классической музыкой Белла¹ решила уйти с концерта после первого отделения. А она так ждала этого концерта! Так предвкушала удовольствие, которое от него получит. Но, не срослось. Прекрасный солист, лауреат конкурса имени Чайковского, всегда радовавший своими выступлениями, превосходный оркестр, *никакой* дирижёр, и Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского не состоялся. Казалось бы, невозможно сыграть *скучно* столь величественную музыку – «торжество и мощь в ослепительном сиянии», как восторженно охарактеризовали Концерт музыкальные критики. Но, оказалось, можно.

Только вот *таким* можно было и судьбу, и жизнь сломать. Как чуть не произошло с молодым Сергеем Рахманиновым...

Спустя два года после триумфального успеха оперы «Алеко» в Большом театре, композитор завершил свою Симфонию №1 и с волнением ждал ее публичного исполнения. Премьера состоялась в зале Дворянского собрания в Петербурге, дирижировал Александр Глазунов. Да-да, тот самый композитор Глазунов, написавший знаменитый балет «Раймонда» и огромное число инструментальных, вокальных и камерных музыкальных произведений. Всемирно признанный мэтр, профессор Санкт-Петербургской консерватории, ученик Римского-Корсакова и учитель Дмитрия Шостаковича.

Более горького разочарования Рахманинов никогда не испытывал. Даже спустя много лет он рассказывал, что во время исполнения Симфонии прятался на лестнице, ведущей на хоры Собрания, зажимал временами уши, чтобы заглушить терзающие его звуки, стараясь понять, в чём дело, в чём ошибки. Симфония провалилась: и критика, и публика отнеслись к ней с нескрываемой холодностью; рецензии отличались подчас уничтожающим тоном. Музыкальный критик Цезарь Кюи писал, что *«...если бы в аду была консерватория, то он (Рахманинов)... привел бы в восторг обитателей ада»*.

Правы оказались те, кто сетовал на неудачное исполнение симфонии. Оно было необдуманное, недоработанное, мало отрепетированное. Глазунов не понял чувственность, страстность, пылкость высказывания раннего стиля Рахма-

нинова, не почувствовал его «нерва»: темпераменты молодого Рахманинова и солидного мэтра были так далеки! Слишком разными они оказались по мировоззрению, складу психики, эстетическим и художественным принципам и принадлежали разным школам: Рахманинов – московской, а Глазунов – петербургской. Вот что писал сам Рахманинов в письме к своему знакомому: *«...Я удивляюсь, как такой высокоталантливый человек, как Глазунов, может так плохо дирижировать?... Я говорю о его музыкальности. Он ничего не чувствует, когда дирижирует. Он как будто ничего не понимает!»*

Провал симфонии имел трагические последствия для Рахманинова – композитор впал в глубокую депрессию и практически ничего не писал в течение трёх (!) лет. *«Я был подобен человеку, которого хватил удар, и у которого на долгое время отнялись и голова, и руки»*, – так описывал Рахманинов своё состояние. Лишь с помощью известного врача-психотерапевта, Николая Даля, лечившего пациентов с помощью гипноза, он смог преодолеть творческий кризис.

А ведь могло случиться и по другому! И не был бы написан Второй концерт для фортепиано с оркестром с его широкими рокоchущими пассажами солирующего инструмента. И ажурного, щемящее-нежного Третьего концерта для фортепиано с оркестром не было бы тоже. И ещё много-много чего ещё, без чего невообразима всемирная кладовая музыки: «Рапсодия на тему Паганини», «Симфонические танцы»,

«Литургия св. Иоанна Златоуста».

... Белла так глубоко задумалась, что не заметила препятствие, неожиданно возникшее на её пути. И, если бы не это самое «препятствие» – девушка, стремительно выскочившая из высоких дверей гостиницы «Националь», натолкнувшаяся на Беллу и успевшая дёрнуть её за руку, то Белла оказалась бы на тротуарной плитке.

– Ох! Извини! – одновременно воскликнули девушки.

– Да, сегодня явно не мой день, – проворчала, потирая плечо, Белла.

– Сильно больно?

– Да я не только об этом. Была на одном мероприятии. Полное разочарование. Неоправдавшиеся ожидания.

– Слушай, как круто сказала! «Неоправдавшиеся ожидания». У меня аналогично! Рассчитывала познакомиться с одним челом, а вместо него другой пришёл.

– И ты сбежала, – догадалась Белла.

– Ага! А ты?

– Аналогично! – усмехнулась Белла, – Заскучала и ушла.

– Слушай! Идея! Давай махнемся!

– Как это?

– Я пойду на твоё скучное мероприятие, а ты на моё весёлое, – и добавила, видя сомнения на лице Беллы, – Ну, давай, соглашайся! Не зря же мы с тобой столкнулись?! Это судьба!

– Да я не против пойти на твоё весёлое. Просто не знаю, понравится ли тебе моё скучное? Я ушла с концерта класси-

ческой музыки в Большом зале Консерватории.

– Н-да, совсем не мой формат! Ну, да ладно! Испытаем судьбу!

И девушки, обменявшись номерами телефонов, чтобы сообщить друг другу про «судьбу», разошлись. Настя, так звали новую знакомую Беллы, отправилась первый раз в жизни на концерт классической музыки в Большой зал Консерватории. А Белла пошла на Благотворительный бал, проходящий в гостинице «Националь».

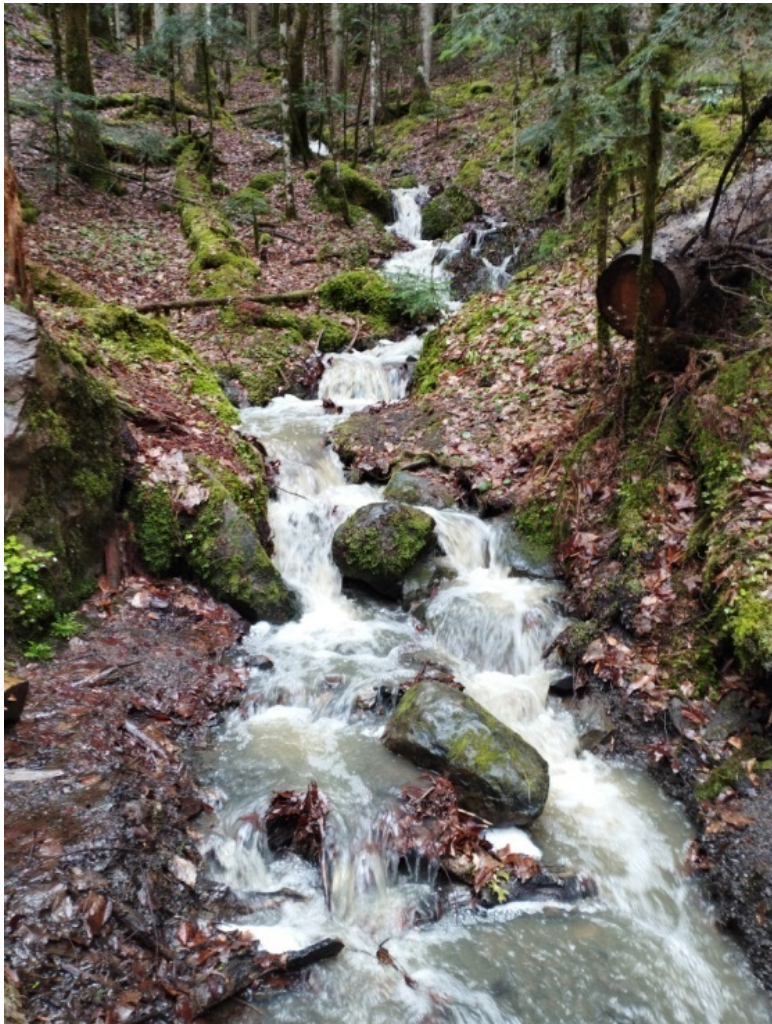
¹ – Адыгея – один из самых красивых регионов Северного Кавказа. Мягкий, теплый, влажный, солнечный климат. Горы с вечно заснеженными вершинами, каньоны, ущелья, пещеры, термальные источники, водопады, живописные речные долины. И главная река Адыгеи – Белая, берущая своё начало где-то на высоте 2800 метров над уровнем моря. Она несет свои воды сквозь глухие лесные дебри Кавказского заповедника, обрывается в пропасть мощным каскадом водопадов в каньонах, прорезает скальные хребты, бурлит в теснинах, клоочет и пенится на каменных порогах, шумит на перекатах, а потом успокаивается, разливаясь в широких долинах, пока не впадет в реку Кубань. Характер у нее непостоянный, девичий: то она ласковая и теплая, то бурная и опасная, сносящая всё на своем пути. А почему? Да потому что имя она своё получила от Беллы – девушки невиданной красоты с гордым и своенравным характером. Так утвержда-

ют Адыгейские легенды...

Справедливости ради, надо сказать, что в России существуют не менее семи рек с названием Белая – притоки Камы, Урала, Ангары, Рузы, Анадыря, реки на Камчатке и в Луганской области. Там, наверное, есть свои легенды о происхождении названия, но я их не знаю. И потому предлагаю вашему вниманию несколько легенд из Адыгеи.

Все легенды начинаются так: «По преданиям старины глубокой, в одном из горных черкесских аулов жила красивая девушка Бэлла. Она была столь красива, столь щедро природа одарила ее внешними данными, что ни один юноша, ни один мужчина не могли пройти мимо нее и остаться равнодушным. У одних сбивалось дыхание, у других начинало учащенно биться сердце, одних бросало в жар, других в хо-

лод...»

Далее есть несколько интерпретаций:

«...Жил в предгорьях Кавказа черкесский князь Фарз. В горах он охотился и однажды со своими джигитами переправился через горы и там похитил прекрасную дочь пастуха Бэллу, которую поместил в свой замок. Не смогла Бэлла полюбить князя и однажды сбежала. Князь пустился в погоню. Добежав до Хаджоха, Бэлла бросилась в каньон. И сразу превратилась в ласковую волну. Князь не смог ее найти.

– Где ты? – спросил он, нагнувшись в каньон.

– Я здесь, – услышал он тихий ответ.

– Кто ты? – с трепетом спросил князь.

– Бэлла я! – донесся шепот.

Не смог князь перенести гибели Бэллы, бросился с горы и потекла его кровь рекою Фарс»

Следующая легенда:

«...Жил в одном из горных аулов князь, свято чтивший законы гор и древние обычаи народа. Был он горд, мужествен и справедлив к людям. Любил и уважал за это его народ. Но вот однажды, будучи в гостях в соседнем ауле, он увидел невиданной красоты девушку и влюбился в нее. Звали её Бэлла. Не смог князь жить без любимой. Отправил в аул послов с подарками и калымом, сосватал девушку. Так стала она его женой.

Но внешне прекрасная женщина оказалась жестокой, эгоистичной, гордой и капризной женой князя. Все бы ниче-

го, но ее капризы не знали предела. Она требовала для себя все больше и больше дорогой одежды, драгоценностей, почестей, поклонения мужа и окружающих. Всё исполнял князь, чтобы только угодить ей. Истощилась казна князя, собранной дани у народа уже не хватало княгине. Повелевать мужчинами рода ей уже было мало. Захотела она подчинить себе горы, леса и реки. Даже чтобы солнце светило, тогда, когда захочет она. Не мог князь исполнить неисполнимое и справиться с ее строптивым характером тоже не мог. В гневе, собрав слуг, уехала княгиня в родной аул.

Не мог князь и дня прожить без любимой. Послал за ней своего верного слугу с просьбой вернуться домой и обещанием, что будет выполнять ее волю и любое её желание. Узнала княжна о просьбе князя и совсем обезумела. Собрала своих многочисленных слуг, и тронулась в путь со словами:

– Теперь я, Бэлла, полная владычица над князем и его людьми. Глава княжества. Буду делать всё, что я захочу!

В это время страшный грохот потряс горы, сноп молний метнуло небо. Строптивая красавица упала на землю с коня и превратилась в бурную, кипящую яростью реку. Верные слуги княгини, стали горными притоками реки, с таким же сварливым и неукротимым характером, как у хозяйки.

Удивились люди, увидев неожиданно возникшую реку, восхитились её гордой красотой, спросили:

– Кто ты? Как звать тебя?

– Бэлла я! – с высокомерием ответила река»

И ещё одна:

«...В давние времена стоял на берегу горной реки аул, которым управлял жестокий князь. Со своими наемниками он постоянно совершал разрушительные набеги на соседние земли. Во время одного из таких набегов захватил князь в плен прекрасную девушку Бэллу, убив её отца, который встал на защиту семьи. Пораженный красотой пленницы, злой князь тут же пожелал взять её в жены. Но гордая девушка замыслила совершить возмездие над убийцей своей семьи. Она сделала вид, что смирилась со своей участью, и согласилась стать его женой. Войдя в княжеские покои, она ударила князя его собственным кинжалом прямо в сердце. Потом Бэлла вышла во двор, прошла мимо ничего не подозревающей охраны, села на коня и помчалась прочь. Обнаружив князя убитым, слуги кинулись за ней. Долго девушка уходила от погони, но вдруг ее путь перегородила река, сжатая высокими скальными берегами. Не желая стать добычей преследователей, горянка обратилась к Всевышнему:

– Господи, я молода и красива, я хочу жить долго, услышь меня и помоги!

И Всевышний услышал ее и сказал:

– Да, ты, действительно, красива! Красива настолько, что ты не можешь принадлежать одному. Ты будешь жить вечно! Но ты будешь красивой горной рекой, и тобой будут любоваться все!»

Много воды утекло с тех пор, но люди помнили и даже

сложили легенду о смелой девушке, а реку стали называть именем гордой красавицы – Бэллой. А когда поселились в горных долинах казаки, зазвучало имя девушки по-русски – Белая.

2

Услужливый швейцар открыл перед Беллой двери гостиной «Националь». Невозмутимый администратор проводил её в зал «Петровский», где проходил Благотворительный бал. Настолько невозмутимый, что даже тень удивления или, не дай бог, осуждения не промелькнула на его лице, когда Белла отказалась пройти в гардеробную, чтобы переодеться.

Смысл предложения невозмутимого администратора Белла поняла только когда вошла в зал. Все дамы, вне зависимости от возраста и комплекции, были в вечерних платьях в пол, многие с открытыми напоказ спинами, на высоченных шпильках и блистали каскадами драгоценностей, как рождественские ёлки. Белла, в своём коротком облегающем платье и минимуме украшений, почувствовала себя Золушкой на королевском балу после полуночи. Но это её ничуть не смутило. Оглядевшись по сторонам, она заметила, что администратор всё ещё стоит в дверях и смотрит на неё, готовый в любую минуту прийти на помощь. Белла задорно улыбнулась ему и даже заговорщицки подмигнула. Разглядел ли издали её подмигивание администратор, понять было трудно, но

Белле показалось, что за лёгким поклоном, после которого он ушёл, спряталась тонкая улыбка.

Чем дальше, тем больше Белла недоумевала, с чего Настя решила, что её мероприятие весёлое? Пока, во всяком случае, ничего весёлого и даже просто интересного не происходило. Небольшой инструментальный ансамбль располагался около сцены в дальнем конце зала, где почти никого не было, и создавал непритязательный музыкальный фон. Народ, в основном, толкался вокруг фуршетных столов, уставленных вазами с фруктами и подносами с тарталетками. Между столов ловко фланировали официанты с алкогольными напитками в запотевших фужерах.

Белла перепробовала всё на фуршетном столе, выпила бокал шампанского и не знала чем ещё занять время. Для себя она решила, что уйдёт не раньше, чем закончится концерт, на который отправилась Настя. Чтобы всё по справедливости. Можно было, конечно, откликнуться на знаки, которые посылали заинтересовавшиеся ею мужчины, но ведь она сюда не за мимолётной интрижкой пришла! А на «судьбу» никто из них не тянул.

Оживление в зале началось, как только на сцену, буквально, выпорхнул конферансье, одетый в строгом соответствии с ведущими праздничных концертов, посвященных государственным праздникам времён СССР. Впрочем, вёл он себя достаточно свободно и даже развязно, соответствуя сегодняшнему времени.

Первым в программе вечера оказался благотворительный аукцион. «Наконец-то! Ну-ну, посмотрим, что это за благотворительность», – саркастически подумала Белла. Правила благотворительного аукциона ничем не отличались от правил обычного аукциона: выставлялся лот, за который торговались заинтересованные лица, поднимая его стоимость. Счастливым оказывался тот, кто предложил наивысшую цену. Необычными оказались только «лоты».

Первым на сцену ведущий пригласил нападающего сборной команды России по футболу Юрия Головина, который выставил на торги возможность сфотографироваться с собой и получить свой автограф. В зале недовольно зароптали – что это, в самом деле, за лот?! Хотя бы, телефончик! Хитро улыбаясь, ведущий поспешил успокоить разволновавшихся девушек:

– Дорогие дамы! Всеми своё время! Могу намекнуть – только тот, кто примет участие в этом этапе, сможет принять участие в следующем, где ставки будут гораздо выше. Возможно даже выше номера телефона вашего кумира. Да, Юрий? Кроме того, позу для фотографии победительница выберет сама, а я закрою глаза, если она захочет поделиться с Юрием номером своего телефона.

Конечно, после такого объявления торги прошли на «ура», и сумма за обыкновенную фотографию получилась не хилая. Ещё бы! Стартовая цена в 5 тысяч рублей быстро переросла в сумму с пятью нулями. А поза, которую выбрала

некая девушка Леночка, была прямо-таки из свадебного альбома – щека к щеке и взаимные объятия. Довольными остались и проигравшие участницы торгов – не потратив деньги, заимели возможность получить ещё больше и горячее.

Следующим на сцену вышел начинающий, но достаточно успешный и уже известный ресторатор Борис Зорькин (24 ресторана в Москве – не хухры-мухры²!) Ведущий охарактеризовал его как человека творческого, который, чтобы развивать и делать свой бизнес интересным и уникальным, часто отправляется в гастрономические путешествия, откуда привозит особенные рецепты, аутентичные продукты, уникальные поваренные книги. А также он любит готовить самостоятельно, придерживаясь убеждения, что еда – это не столько блюдо, которое стоит на столе перед человеком, сколько его образ жизни. Конёк Бориса – кондитерские изделия. Та девушка, что выиграла аукцион, получит уникальную возможность не только продегустировать из рук автора пирожное ресторатора, но и накормить его сама.

Вот эта часть получилась, действительно, весёлой. Ведущий завязал глаза и Борису, и победившей соперниц Танечке. Пришлось этим двоим кормить друг друга, следуя указаниям зрителей – «налево», «вниз», «чуть в сторону». О очень точные советы! Конечно, ложка с пирожным не сразу попадала в рот, конечно, кое-что и на стол падало. А Танечка молодец! Она так аппетитно облизывала губки. Жаль только, что Борис этого не видел. Но, зато, видели остальные

мужчины, находящиеся в зале. Так что задел на своё будущее Танечка сделала. Последний кусочек сладкого удовольствия Борис подал Танечке из рук, ввиду того, что уронил нечаянно ложку, а, может, и не совсем нечаянно. Танечка не растерялась и весьма сексуально облизала его пальцы, чем вызвала бурю рукоплесканий зрителей.

Третий аукцион получился самым горячим. Подробно представлять его участника – блогера Ивана Соболева, ведущему не пришлось. Судя по реакции зала, большинство его знало. Белла не знала ничего и тихонечко поинтересовалась у рядом стоящей девушки – что он из себя представляет? Та посмотрела на Беллу удивлённо и с едва скрываемым превосходством ответила, что Иван снимает видеоролики о знаменитостях Рунета и их жизни. Из ответа Белла сделала вывод, что блогер – типичный сплетник, пусть и с элегантной внешностью интеллектуала высокой пробы. На торги он незатейливо выставил поцелуй с ним. В ожесточённой борьбе с соперницами победу одержала Светочка. Хор голосов, в основном мужских, под руководством ведущего, отсчитывал, как на свадьбе, продолжительность поцелуя – Раз! Два! Три!.. Десять!..

Во время представления четвертого участника аукциона Белла вся превратилась в слух и зрение. И не верила ни тому, ни другому. Ведущий начал так:

– Дамы и господа! Имени следующего участника вы не найдёте в программе нашего Благотворительного бала. Он

любезно согласился заменить Милоша Битковича, который, к сожалению, вынужден отсутствовать по объективным причинам...

(Тут Белла догадалась, из-за кого, а, вернее, из-за чьего отсутствия, так расстроилась Настя, что ушла с мероприятия)

...Итак, разрешите представить: Теодор³ Голованов-Галанис⁴, российский дирижёр греческого происхождения. Не побоюсь этого слова – мировая звезда, лауреат Международных конкурсов дирижёров имени Прокофьева в Санкт-Петербурге и в Кадакесе, Испания...

Но сколько бы ни заливался соловьём ведущий, сколько бы ни называл престижных Международных фестивалей, в которых участвовал Теодор Голованов-Галанис, сколькими оркестрами руководил, а ещё больше, со сколькими сотрудничал, и сколько наград получил, похоже, здешнюю публику это нисколько не тронуло. Белла это почувствовала всеми фибрами своей души. Так стало обидно за Теодора. Разве можно сравнить масштаб его личности с теми, кто побывал на этой сцене до него?!? Да они ему в подмётки не годятся!

Так глубоко и остро Белла восприняла равнодушие публики к известному дирижёру ещё и потому, что именно он способствовал тому, что она увлеклась классической музыкой. Нет, конечно, началось всё с бабули, которая уговорила Беллу пойти с ней на концерт, заменив её заболевшую по-

другу. Даже если бы Белла не была свободна в тот вечер, отказывать любимой бабуле она бы не стала. Не так часто бабуля о чём-то их с мамой просила, предпочитая справляться со своими проблемами сама. Мама иногда даже обижалась на бабулю из-за этого, особенно, когда нечаянно всплывали наружу проблемы с её здоровьем, которые та предпочитала скрывать от родных. Два часа нудятины, как в тот момент думала Белла о классической музыке, стоили того, чтобы бабуля порадовалась времени, проведённому вместе с любимой внучкой.

Белла, как будто это было вчера, помнила, как они зашли в огромное фойе Концертного зала имени Чайковского, наполненное гулом огромного количества народа. В основном, женского пола и в подавляющем большинстве – пожилого. Как уселись на свои места в кресла зала, где ряды располагались полукругом. Как зааплодировали зрители, когда оркестр начал занимать свои места. И как взорвались овацией, когда вышел дирижёр.

Пожалуй, именно в этот момент случилось первое несоответствие тому, что представлялось Белле до концерта. Дирижёр оказался не пожилым, еле передвигающимся по сцене дядечкой в строгом чёрном фраке с фалдами, а молодым, высоким, светловолосым, в свободной чёрной рубашке и с ярким разноцветным платком, стильно повязанным на шее. Он энергично вскочил на возвышение для дирижёра, низко поклонился аплодирующей публике и резко развернулся к ор-

кестру. В зале мгновенно установилась тишина. Он взмахнул руками, и началось... волшебство.

Оркестр заиграл. Белла ясно видела, как скрипачи и виолончелисты водят смычками, как трубачи подносят мундштуки инструментов ко рта, как взмахивают ударники барабанными палочками, но у неё было полное ощущение, что музыка создаётся не ими, она льётся из рукавов его рубахи, прорывается сквозь преграду манжетов... Белла даже потёрла глаза – вдруг, наваждение исчезнет? Но оно не исчезло, чудо продолжилось. И первые трагичные звуки духовых инструментов, и нежные струнных, и взрыв напряжённости всего оркестра, и лиричные ноты от торжества света к светлой грусти в конце первой части – всё это игралось его руками. Только его руками. Дирижёр не стоял статично за пультом, а всем телом задавал движение музыке. То, почти, подпрыгивал, то подавался вперёд. Казалось, что его быстрые пальцы закручивают незаметные винтики в воздухе, играют на невидимых струнах души музыкальных инструментов или натянутых нервах оркестрантов. Музыка лилась из его рук, срывалась с кончиков пальцев, как в сказке про царевну-лягушку, когда пошла плясать Василиса Премудрая: «махнула левым рукавом – стало озеро, махнула правым – поплыли по озеру белые лебеди».

Во второй части «лебеди» кружились в вальсе. Третья часть дышала оптимизмом, переросшим в торжественность, и закончилась так триумфально, что слушатели не выдержали.

ли, зааплодировали. И потом случилось... случилось... Как это сказать... Не то чтобы событие, не то чтобы несоответствие, не то чтобы неожиданность. Какое-то среднеарифметическое между этими понятиями. Когда раздались аплодисменты, дирижёр повернулся к публике и с какой-то задорной, мальчишеской улыбкой поднёс палец к губам в знак молчания. И тогда Белла заметила его яркие голубые глаза. Да-да, они сияли так, что их было видно даже с их 30-го, если считать от сцены, ряда.

Последняя, четвёртая, часть Симфонии довела Беллу до слёз. Она звучала так трагично, так безысходно, на грани отчаянья. И так и закончилась – тихой низкой тягучей нотой, растаявшей в бесконечности. Белла смотрела на безвольно опущенные руки дирижёра, на чёрную рубаху, тёмными пятнами пота прилипшую к его телу, и из её глаз лились неудержимым потоком слёзы. А в зале стояла какая-то оглушительная тишина. Казалось, комарик запищит и того будет слышно... А потом люди вскочили, и зал взорвался овацией.

Весь обратный путь Белла с бабулей говорили о музыке (вот, уж, что ещё вчера Белла и представить себе не могла). О 6-й Симфонии Чайковского, которую они сегодня услышали. «Патетической», как её назвал автор. Белла недоумевала – почему «Патетическая»? Ведь «патетика»⁵ это что-то торжественное, даже преувеличенно торжественное. Такую характеристику можно дать только третьей части Симфонии. А так, в ней больше было трагизма и грусти, особенно, в кон-

це⁶. Не соответствует название музыке.

Бабуля улыбалась и рассказывала Белле о Чайковском, его жизни, его метаниях, его взаимоотношениях с Надеждой фон Мекк, которая поддерживала его материально, с которой он переписывался, считал другом, но с которой *никогда* не встречался лично. О замысле 6-й Симфонии, которую изначально планировал назвать «Программной» и о которой писал так, что «...на этот раз...» она будет «...с такой программой, которая останется для всех загадкой, – пусть догадываются...». О которой говорил, что «очень плакал, мысленно сочиняя её».

Так у Беллы началась любовь к классической музыке. И сейчас перед ней стоит тот самый человек, которому она этим обязана. А его так холодно и равнодушно принимают. Возмутительно!

За размышлениями Белла пропустила мимо ушей, что там её любимый дирижёр предложил в качестве лота. Ей было всё равно! Как только ведущий начал торги, она первой подняла руку. И... стала победительницей, потому что оказалась единственной, кто её поднял.

Пробираясь из глубины зала к сцене, Бела судорожно соображала, сколько наличных у неё в кошельке (выигравшие лот торжественно опускали купюры в прозрачный куб). Вроде, пятёра должна набраться. Белла представила себе, как выскребает мелочь и вываливает её в куб, и чуть не расхохо-

талась в голос. Она вообще чувствовала себя пьяной. Хотя, какое может быть опьянение с одного бокала шампанского?! И, тем не менее, ей было весело, бесшабашно и вообще не страшно – море по колено.

Ещё по дороге Белла вспомнила, что ведущий всех девушек называл уменьшительно-ласкательно: Светочка, Танечка, Леночка. Представила, как он её назовёт Беллочкой, заранее возмутилась, и первым делом, когда поднялась на сцену, подошла не к Теодору, а к ведущему. Прошипела ему на ухо: «Я – Белла! Только попробуй назвать иначе! Без ног останешься!» Удивлённый агрессивностью участницы, ведущий, на всякий случай, отошёл от неё на шаг. А Белла тем временем кинула в куб пятитысячную купюру (слава богу, оказалась в кошельке!) и тихонько спросила Теодора: «Что делаем?» «Танцуем», – невозмутимо и почти не разжимая губ, ответил тот. «Венский вальс умеете?» Теодор утвердительно кивнул головой.

– Отлично! Венский вальс! – торжественно вслух объявила Белла, взяла Теодора за руку и повела со сцены.

Ансамбль заиграл что-то очень знакомое, явно из Штрауса, как конкретно называется, Белла не помнила. Ломанулась начать, но, мало того, что натолкнулась на железобетонно стоящего партнёра, так ещё и каблуком зацепилась за паласное покрытие зала и чуть не упала. (Уже второй раз за вечер!) Теодор Беллу подхватил, поставил в позу классического вальса, глядя прямо в глаза, тихо сказал:

– Это Штраус. «На прекрасном голубом Дунае». Здесь длинное вступление.

– Угу, – кивнула головой Белла, – Я забыла: мне вперёд или назад? Нас вальсу в школе учили, на физкультуре. Девочек было больше, чем мальчиков. Меня за партнёра ставили. С тех пор путаю.

– Не волнуйтесь. Глаза закрыты. Расслабьтесь. Поймайте ритм. Почувствуйте мои руки. Паласное покрытие не лучший пол для вальса, но мы справимся.

Белла так и сделала. Закрыла глаза. Почувствовала, как напряглись руки партнёра во время паузы в музыке. С первой прозвучавшей нотой сделала шаг назад под давлением его мужского натиска. Поймала ветер, который закружил её, поднял над коварным паласом, так и норовящим зацепиться за каблуки, и полетела, полетела, полетела.

Тео (так его звали друзья, и сам он себя предпочитал называть этим коротким именем вместо громоздкого и слишком претенциозного на его музыкальный слух полного) беспрепятственно рассматривал тонкие черты девушки с редким именем Белла. Она так и не открыла глаза во время танца, полностью отдалась в его руки. Он не стал говорить ей, что глаза уже можно открыть. Хотя заглянуть в них, подробнее рассмотреть, хотелось. На сцене понять цвет её глаз не удалось из-за хрустальной люстры, разноцветные всполохи которой отражались в них зелёными, карими, голубыми, се-

рыми, желтыми искорками. Интересная девушка.

² – к первой части словосочетания «хухры-мухры», возможно, имеет отношение слово «хухря» из новгородского диалекта или из калужского – «хухряй», что означает «нечёса, растрёпа, замарашка». Вторая часть – «мухры», может быть чистым звукоподражанием, как это часто бывает в речи, появляющаяся для ритма, некоего усиления, для яркого, запоминающегося звучания, как например: тик-так, су-пер-пупер. С другой стороны эта часть выражения похожа на «замухрышку». В связи с этим высказывается предположение, что «мухры» образовано от слова «мухрый», означающего «невзрачный».

³ – в переводе – «дар божий»

⁴ – в переводе – «синий», «человек с голубыми глазами»

⁵ – страстное, возвышенное, восторженное действие, полное чувств, воодушевления – эстетическая категория, отражающая борьбу, столкновение возвышенного и низменного.

⁶ – из письма брата композитора, Модеста Чайковского, музыковеду Р.Батке: *«Четвёртая часть (Симфонии) – состояние его души в последние годы жизни – горькие разочарования и глубокие страдания. Он приходит к мысли, что слава его как художника преходяща, что сам он не в силах побороть свой ужас перед вечным Ничто, тем Ничто, где всему, что он любил и что в течение всей жизни считал веч-*

3

В следующем лоте аукциона мужчины с женщинами поменялись местами. На сцену поочерёдно выходили девушки, а в торгах участвовали мужчины. По сути, этот аукцион мало чем отличался от первого, но, почему-то, смотреть на это «действие» Белле было неловко. В голове возник образ невольничьего рынка в Османской империи, где толстосумы выбирали себе наложниц в гаремы.

Образ возник, и уходить настырно не собирался. И тогда Белла решила уйти сама. Всё, что можно, от судьбы она получила, ловить больше было нечего. Теодор после танца не то что не попросил её телефон, но даже слова не сказал, попрощался вежливым кивком головы. Это отнюдь не испортило Белле настроения. Пробираясь к выходу из зала, она уже предвкушала, как разохается бабуля, когда она ей будет рассказывать завтра утром о приключениях сегодняшнего вечера.

С Теодором Белла столкнулась в холле – она направлялась к выходу, он выходил из курительной комнаты.

– Уходите?

– Да, поздно уже.

– А кто выкупит меня на следующем этапе?

– Честно признаться, у меня нет таких денег. Там же, на-

верное, ставки будут покруче, чем на первом? Я понимаю, что это звучит странно для человека, пришедшего на аукцион, но я здесь случайно оказалась, одна девушка отдала мне свой билет.

Белле не стыдно было признаваться в своей финансовой несостоятельности, так же как перед этим не стыдно было говорить о своём неуверенном владении вальсом, на который сама же подвигла известного дирижёра. Встреча с ним так близко, почти знакомство, была настолько нереальна, волшебна, что Белла не ощущала себя собой, а, скорее, каким-то сказочным персонажем. А потому, могла говорить и действовать, как заблагорассудится.

– Деньги не проблема, – между тем, продолжил Теодор, – Я Вам дам свою карточку, и Вы заплатите с неё.

– Как это? – растерялась Белла, – Чужая карточка... Я не возьму. Это... это не правильно.

– Почему? Я также должен участвовать в благотворительности. Какая разница, каким образом внести деньги – заплатить сам за себя или за танец с девушкой? Главное – на что.

– Вот именно, – почему-то рассердилась Белла, – Гораздо правильнее было бы просто внести деньги на благое дело, а не устраивать эти благотворительные балы. И денег бы больше ушло по адресу. Что тут останется, после вычета аренды зала, оплаты музыкантов, всего этого изобилия на столах?

– Музыканты играют бесплатно. Насчёт остального – не знаю. К сожалению, Вы правы, но лучше сделать так, чем

не сделать вообще, если есть люди, которые могут выложить деньги только при таких обстоятельствах. Не злитесь. Отнеситесь к обстоятельствам, как к опыту, который меняет Вас и окружающих Вас людей. Так я убедил Вас остаться? – и добавил, чтобы замотивировать ещё больше, – Я потом Вас провожу.

Кто же откажется, чтобы тебя провожал домой известный на весь мир дирижёр? И Белла согласилась. Только настояла, чтобы пин-код карточки Теодор вводил сам.

4

В машине ехали молча. Молчание не было каким-то напряжённым, неловким. Белле казалось, что Теодор что-то от неё ждёт, но что, понять не могла. Её сбивали с трезвых мыслей его руки, лежащие на руле. Он управлял машиной также как и дирижировал – артистично, грациозно, аристократично. Как ни странно, и курил также. За любым его действием можно было наблюдать бесконечно. Любоваться им.

Белла уже набрала воздуха, чтобы попрощаться с Теодором, когда машина затормозила около подъезда её дома, но он остановил её вопросом:

– Белла – такое редкое и красивое имя. У Вас есть черкесские корни?

«Так вот он о чём размышлял по дороге», – подумала Белла и ответила:

– Да нет! Это бабуля настояла. Она обожает Лермонтова. У него есть такой рассказ «Бэла» из «Героя нашего времени».

Теодор с каким-то странным выражением лица посмотрел на Беллу, кивнул – мол, знаю, но сказать ничего не успел, отвлёкся на звонок телефона. Разговаривал не по-русски, на незнакомом Белле языке. Она так подумала, что на греческом. Разговор затягивался, и Белле стало неудобно, получалось, что она подслушивает, хотя и ничего не понимает. Она совсем тихонечко сказала: «Спасибо» и показала жестом, что пошла.

Но Теодор не дал ей уйти, удержал, положив свою ладонь на руку Беллы. И Беллу, вдруг, затрясло мелкой дрожью. Вся её бравада последних часов вмиг испарилась, она почувствовала себя трепетной бабочкой под порывами ураганного ветра – лёгкой, беззащитной. Рука Теодора была тёплой, сухой, твёрдой. Хоть и просто лежала на её руке, но держала крепко.

– Мама, – коротко пояснил Теодор, когда закончил разговор по телефону и без перехода спросил, вернее, высказал утверждение с мягким намёком на вопрос в конце, – Вы любите классическую музыку и меня знаете... Почему не просите контрамарку на концерт?

– Как Вы догадались? – смутилась Белла.

– «Венский» вальс. Обычно говорят «быстрый». Так почему?

– Не хочется ставить Вас и себя в неловкое положение. Вдруг, Вы не сможете... Останется осадок... Не хочется портить волшебный вечер...

– На концерт не могу, а на репетицию пойдёте?

– На репетицию? – оживилась Белла, – Никогда не была на репетиции. Пойду с удовольствием!

– Завтра в два часа в Консерватории. Диктуйте свой телефон. Я отправлю Вам SMS с дополнительной информацией утром.

«Он, всё-таки, взял мой номер!» – ликовала Белла. И не только! Ведь утром она ещё и номер *его* телефона будет знать!!!

5

И ничего Белла бабуле утром не рассказала. Весело и непринуждённо, как это планировала вчера, уже не вышло. В ожидании SMS от Теодора внутри дрожала натянутая струна, скрученная в тугий узел. Так ощущалось. Да и что рассказывать, если вчерашнее приключение ещё не закончилось? Вот сходит она на репетицию, и тогда уже с бабулей поделится.

Сообщение от Теодора пришло в полдень, но окончательно в реальность того, что она попадёт на его репетицию с оркестром, поверила только, когда администратор завела её в гулкий от пустоты Большой зал Консерватории и широким

жестом предложила сесть, где ей хочется. Белла уселась сбоку 9-го ряда партера – там не надо было задирать голову, чтобы смотреть на сцену, и можно было, по мнению Беллы, увидеть Теодора хоть немного в профиль.

Музыканты постепенно заполнили сцену. На Беллу никто внимания не обратил. Также как и Теодор, стремительно занявший своё место дирижёра за пультом. Даже взгляд не кинул в поисках гостыи в зале.

Теодор поднял руки, и шум на сцене мгновенно стих. Теодор едва заметно кивнул, посмотрев в сторону и... Белла, буквально, подскочила с кресла от раздавшегося грохота. Как будто кто-то случайный ударил кулаками со всей дури по клавишам фортепиано – громко и так... так... не гармонично, не музыкально, не сочетается, что резало слух. Нет, ну, например, Второй концерт Рахманинова тоже начинается с громкого аккорда на фортепиано, но там это звучит красиво, хоть и трагично. А здесь...

К недоумению Беллы, Теодор не остановился, не сделал замечание не попавшей в ноты пианистке, а дал отмашку солирующему альтисту начать партию. Царапающие тоскливые ноты, которые извлекал солист из альты, походили больше на апробирование инструмента при настройке, чем на музыку. Гармония появилась, когда тихо вступил оркестр. Но тут что-то не понравилось Теодору. Он остановил музыкантов, сделал кому-то замечание, даже пропел: «Пам, па-ам, па-а-ам».

Какого-то общего впечатления от музыки у Беллы никак не складывалось. Она пыталась зацепиться за красивые гармоничные моменты, но они неизменно и, главное, неожиданно, не логично, прерывались гулкими sforцато⁷, столь мощными, будто молотом по голове. В такие моменты Белла чувствовала, как дрожит под ней пол.

Альт то скрипел, как несмазанная дверь, то плакал, то скрежетал камнем по стеклу, то пищал, как потерявшийся котёнок. Пианистка играла, будто, мимо нот или в разных тональностях с оркестром. Играла не только на клавишах, но и вставала с места, чтобы дёрнуть за струны фортепиано. Вы такое когда-нибудь видели?!

Единственный вывод, к которому склонялась Белла, это что музыка деструктивная, и ещё раз она бы слушать её не стала. А потом, вдруг, опять начиналась гармония – грустная, светлая, нежная. Но только Белла чуть-чуть погружалась в музыку, как, вдруг, снова что-то происходило, что выбивало её оттуда.

В этот раз в зале начал трезвонить телефон. (На концертах это случалось не редко. Как ни предупреждай, как ни проси выключить мобильные телефоны, обязательно найдётся тот, кто забудет это сделать. И телефон обязательно зазвонит в самый неподходящий момент!) Теодор остановился, дождался окончания звонка и попытался продолжить репетицию. Но телефон затрезвонил вновь. И тогда он резко развернулся и прямо вперился взглядом в Беллу.

– Это не у меня! – непроизвольно вырвалось у неё оправдание. И, хотя она ни в чём не была виновата, всё равно ей стало стыдно.

Теодор кивнул, мол, знаю, и отдал указание:

– Четыре ряда вверх и влево.

«Ничего себе музыкальный слух!», – подумала Белла, обнаружив трезвонящий телефон на 13-ом ряду под третьим креслом влево от прохода. Она ответила на звонок, и оттуда полился такой поток брани вперемежку с матом, что Белла сначала опешила, а потом рассердилась, и тоже заорала в ответ:

– Если ты сейчас же не заткнёшься, я грохну твой мобильник об пол, а потом выкину осколки в ближайшую сточную канаву!

На той стороне провода замолчали и сердито засопели. То-то!

– Вы, между прочим, срываете репетицию оркестра, – строгим, но уже более спокойным тоном произнесла Белла.

«Ой, репетиция! А я тут разговариваю», – сама себя остановила Белла и посмотрела на сцену. Теодор смотрел прямо на неё и терпеливо дожидался окончания её разговора с хозяином забытого телефона. И не только он, весь оркестр развернулся и наблюдал со сцены на сценку, которая происходила в зрительном зале. И Белла поспешила выйти, чтобы не мешать репетиции.

Нашла администратора зала, отдала ей телефон и вышла

на улицу подышать свежим воздухом, в надежде, что произведение, так истерзавшее её слух, к её возвращению в зал закончится. И ей повезло! На улицу стали выходить оркестранты – начался перерыв. Вместе с ними Белла и вернулась в зал.

После перерыва оркестр репетировал 7-ю Симфонию Шостаковича – «Ленинградскую». Трагичную, мрачную, написанную композитором в холодном и голодном блокадном Ленинграде. Разбомбленном, продуваемом ветрами, но не сломленном. В городе, ждущем Победу и верящем в неё! Никто из тех, кто услышал её впервые в 1942 году – ни слушатели, ни оркестранты, ни композитор и, он же, дирижёр, не знали тогда, когда она придёт, эта Победа. И доживут ли *они* до неё. Но эта музыка звала и приближала её, укрепляла надежду в её неотвратимость.

Ленинградская симфония – это послание всему остальному миру от умирающих людей этого города: «Мы живы! Мы не сдаёмся!» Чтобы выжить, они брали воду для питья прямо из Фонтанки. Под бомбёжками. Чтобы выжить, на клумбах у стен Исаакиевского Собора выращивали капусту. Под бомбёжками. Им доставляли продовольствие по тонкому льду Ладожского озера на подводах с лошадьми под бомбёжками. И под бомбёжками же по устоявшемуся льду на грузовиках пытались вывезти детей, женщин и стариков⁸...

... Дорога жизни узким коридором

Протянута по Ладожскому льду.
Она спасала наш любимый город
В том страшном и чудовищном аду⁹

И, хотя из-за остановок, которые делал Теодор, из-за повторов, возвращения к уже прозвучавшим тактам, целостно Симфония не прозвучала, от этой музыки Белла почувствовала, как ни странно, очищение и освобождение от депрессии, которую ощутила после первой половины репетиции.

Будет, ой, будет, что рассказать бабуле!

Но рассказ опять откладывался, потому что сразу после включения телефона на него пришло SMS от Теодора: «Подождите меня снаружи».

⁷ – термин в музыке, обозначающий «внезапный резкий акцент»

⁸ – «Дорогой жизни» называли ледовую трассу ленинградцы. По ней доставлено в осаждённый Ленинград свыше 360 000 тонн продовольствия, топлива, боеприпасов. Эвакуировано из города свыше полумиллиона жителей.

⁹ – отрывок из стихотворения Н.Смирновой «Ладога – дорога жизни»

6

Теодор повел Беллу в кафе-бар «Простые вещи». В аккурат напротив Большого зала Консерватории. Кушать ещё не

хотелось, и Белла решила обойтись чашкой кофе. Но когда она раскрыла меню... У неё разбежались глаза, а рот наполнился слюной. Одни названия закусок чего стоили! «Эклер с татаки¹⁰ из говяжьего сердца, попкорном из амаранта и трюфельной пастой», «Эклер с томленным ягненком, соленым желтком и кимчи¹¹», «Эклер с расплавленным сливочным камамбером, сладкими помидорами и базиликовым песто». И таких, аж, 12 позиций! Мало названий, так к каждому ещё и эпиграф прилагался: «Угораем мы с угрём, заедая фуагрём», «Если можем выговорить Джавахарлала Неру, берём ещё по одному эклеру», «Ун капустино пер фаворе» и так далее в том же духе. Но даже если бы всего этого не было, ведь закуска в виде эклера уже само по себе необычно и интересно!

Хотелось попробовать всё. Белла растерялась, сглотнула слюну и посмотрела поверх меню на Теодора. Тот наблюдал за ней с пониманием и с улыбкой, такой же, как тогда, на концерте, когда она увидела его впервые – задорной и мальчишеской.

– Я не знаю, что выбрать. Такое всё аппетитное.

– Вы можете взять всё.

– Нет-нет! – энергично возразила Белла, – Я не справлюсь.

– Тогда полагаемся на мой вкус. Я тут уже всё пробовал.

Закажем четыре разных эклера и разделим по чесноку.

Это «по чесноку», такому русскому, родному, простецкому, очень умилило Беллу в устах человека с греческими

корнями и немного примирило с отголосками ревности к тем, с кем он до неё бывал в этом баре и у кого видел такую же реакцию, как у неё, на экзотическое меню.

Теодор заказал эклеры с севиче¹² из гребешка и мандариновым кёрдом¹³; с крабом, авокадо и подвяленными помидорами; с фуа-гра, горьким шоколадом и сладким манго; с угрём, авокадо и пряным сыром. И целых 2 эклера–не эклера, а «Эклеровые ром-бабы, пропитанные светлым ромом, с фисташковым кремом и ромовым мороженым». Белла было запротестовала, что лопнет, но Теодор сделал серьёзное лицо и сказал, что это так вкусно, что делиться он категорически отказывается. Белла прыснула и смирилась. И против целой бутылки игристого вина Тапас возражать уже не стала.

Боже мой, как же всё это было вкусно! Все вкусы были такие яркие, острые, по восприятию, а не по количеству перца из-за которого потом может гореть во рту. В общем, Белла проглотила все 4 половинки, так и не придя к выводу – какой эклер понравился ей больше всего. Единственное, что она поняла, это то, что сладким эклером–не эклером, она бы тоже фиг с кем поделилась!

¹⁰ – татаки – метод приготовления мяса или рыбы в японской кухне, по сути, нарезание тонкими ломтиками.

¹¹ – кимчи – так изящно называется в корейской кухне солёно-маринованная капуста, редька и другие овощи, при-

готовленные со специями.

¹² – севиче – это крайне простое блюдо, справиться с которым под силу не только шеф-поварам. Главный его секрет – это свежесть ингредиентов, поскольку готовится оно из мелко нарезанной сырой рыбы, маринованной в соке лайма.

¹³ – кёрд – легкий крем на основе сока, масла и яиц.

7

– У меня есть час свободного времени. Прогуляемся?

Конечно, Белла согласилась. И они поднялись из подвала кафе на улицу, и пошли по направлению к Александровскому саду.

– Тебе понравилось на репетиции?

– О, да! Очень интересно! – экзальтированно отреагировала Белла. Если на балу она чувствовала себя *как* пьяная, то сейчас была без «как». Ведь большая часть бутылки Тапаса досталась ей. Теодор вообще, похоже, только разочек глотнул, когда предложил ей перейти на «ты», – Не понимаю, как они тебя понимают? «Усилие», «отсюда», «трам-па-пам»... И музыка как будто рождается из воздуха.

– Мы как семья, понимаем друг друга даже без слов. Как тебе Канчели?

Белла догадалась, что Теодор спрашивает о первом произведении, и ответила честно:

– Не зашло. Какое-то оно дёрганное. Странное... Видимо,

я ещё не доросла до подобной музыки.

– Ты уже теряла в жизни кого-нибудь из близких людей?

Белла не поняла, к чему этот вопрос, но почувствовала его значимость. Внутренне собралась, даже винные пары как будто куда-то испарились. Ответила тихо:

– Нет. Дедушка умер ещё до моего рождения. Родители развелись, когда я была совсем крохой. Папу я не помню, мы с ним не общаемся. Вся моя маленькая семья – мама и бабуля, при мне.

– Мы и здесь с тобой похожи. Дедушку не знал даже мой отец, а папа погиб в автомобильной аварии, когда мне было пять лет, я помню его смутно. Меня растили мама и бабушка.

– Ты сказал «и здесь похожи». А в чём ещё?

– Меня тоже назвали в честь литературного героя – Теодоро из «Собаки на сене».

– Как странно, Теодоро, ведь, испанское имя. А у тебя, как сказали, греческое происхождение.

– Это целая история.

– Извини, если я лезу в то, что меня...

– Всё в порядке. Я уже понял, что ты не любишь ставить людей в затруднительное положение. Я расскажу. Семья моей бабушки жила в Салониках. Это важный морской порт. Там она познакомилась с русским моряком Михаилом Головановым. Он увёз её в Ленинград. Бабушка рассказывала, как она была поражена, увидев огромный город с великолепными дворцами, широкими прямыми улицами и разводны-

ми мостами. Салоники тоже большой город, но с Ленинградом не сравнить. Она любила гулять по городу, когда оставалась одна. А это часто было. Дни встреч и месяцы ожидания. Чтобы они чаще виделись, бабушка летала в те порты, где разгружался корабль дедушки. Не полетела только один раз, боялась за ребёнка на седьмом месяце беременности. Не могла потом себе этого простить. Корабль подвергся нападению пиратов. Судьба экипажа до сих пор не известна. У дедушки даже могилы нет. Бабушка родила сына. Его назвали Александром, как они с дедушкой хотели. Она вернулась в Грецию, но уже не в Салоники – не могла видеть море, которое лишило её возлюбленного. Когда я родился, бабушка поставила моих родителей перед выбором: или Михаил в честь дедушки, или Теодоро. Теодоро, потому что ей очень понравился русский фильм «Собака на сене». Героя играл Михаил Боярский, очень похожий на дедушку, только в тёмном варианте. Несколько фотографий и три кассеты с фильмами Боярского: «Собака на сене», «Соломенная шляпка» и «Старший сын», вот и всё, что моя бабушка привезла из СССР. Она часто пересматривала эти фильмы. А я выучил по ним русский язык. Вот такая история.

– А я думала, что «греческое происхождение» это фигура речи. Мало ли кто у нас какого происхождения. Если покопаться, то и монголы с татарами¹⁴ найдутся, и евреи, и поляки. И ещё, ты очень хорошо говоришь по-русски, без акцента.

– А греческую фамилию взял для рекламы, – кивнул головой Теодор и задорно улыбнулся, – Эту версию я уже слышал не раз. На самом деле, фамилия Галанис происходит от моей матери. Такой компромисс. Папа хотел оставить меня с ней. Он в детстве настрадался от фамилии Голованов. Но бабушка не разрешила. Так что официально я – Теодоро Голованов-Галанис. В России – Теодор Голованов-Галанис. За границей – Теодоро Галанис. А для друзей Тео. Что касается языка, то я в России больше десяти лет, много читаю русских авторов.

– А как ты оказался у нас? Почему остался?

– Ещё раз спасибо моей бабушке. Мы с ней много путешествовали по Европе. объездили все страны, которые она посетила, когда летала за дедушкой. Только в порты не заезжали. Мне исполнилось шестнадцать, когда она предложила поехать в Санкт-Петербург. Конечно, я многое знал о Санкт-Петербурге, видел много фотографий и видео, но действительность превзошла все мои ожидания. В следующем году я поступил в Санкт-Петербургскую Консерваторию. Во время учёбы объездил пол-России, куда только смог попасть. Это была, конечно, Москва. А ещё Новосибирск, Краснодар, Пермь, Казань, Томск. Влюбился в Россию, в её людей, в русских женщин. Что меня потрясло, и что я обожаю, так это то, насколько разные вещи существуют здесь по соседству. Россия же невероятно разнообразна. Взять хотя бы города. Санкт-Петербург – имперский город с имперским ду-

хом. Именно так – дважды имперский. Москва совсем другая – царская и купеческая. Казань – с первых же шагов тёплый, гостеприимный, родной город. До сих пор не могу к этому привыкнуть. У русского народа есть потрясающая особенность – взять что-то извне, освоить, адаптировать на свой лад и создать свою версию, которая будет лучше, чем первоисточник. Такого я не видел больше нигде. И ещё: русская душа – это не сказки. Это удивительная наивность, которая способна поменять мир к лучшему.

– Поэтому остался?

– Россия – последний оплот, где ещё жив романтизм. Я тоже человек романтический. Поэтому я счастлив в России. Я много времени провёл на Западе и потому лучше могу оценить то, что есть в России. Но я понял это позже, *после* того, как решил остаться. Бабушка... Бабушка подарила мне Россию... Она умерла после нашего совместного путешествия... Она как будто чувствовала, что уйдёт, и захотела в последний раз отправиться в святая святых. Как в паломничество... Она завещала мне остаться в России. Ты понимаешь?

Белла кивнула, сдерживая слёзы. Она понимала, что Тео рассказывает ей о таком личном, интимном, потаённом, что чужому, практически незнакомому человеку, не рассказывают... А Теодор, между тем, продолжил:

– Смерть близкого человека подобна удару по голове. «Обухом» – так русские говорят? Старый человек или давно

больной – не важно. Вы к этому не готовы. Мы застываем. Голова и сердце пусты. Потом резкая боль. Слезы. Гнев на несправедливость. Чувство вины. Я не помог. Я не успел. Я виноват. Царапины на душе. Обида, что осиротел...

Белла почувствовала, что Тео описывает не только свои чувства после смерти бабушки, но и что-то ещё. И он, действительно, заговорил о другом:

– ...Канчели написал литургию «Оплаканный ветром» на смерть своего друга. Эту программу – Канчели и Шостакович, двадцать второго июня мы повторяем уже несколько лет. Такая музыка, если у человека жуткая тоска и депрессия, она способна очистить и освободить. Такая музыка – это лекарство.

– Канчелли... Это какой-то итальянский композитор? Ни разу о нём не слышала.

– Нет. Грузинский. Гия Канчели. Наверняка ты его знаешь. Фильмы «Мимино», «Кин-дза-дза» смотрела?

– Он написал музыку к этим фильмам?! Конечно, знаю. Ничего себе! А ты откуда знаешь эти фильмы? Я думала, что серьёзные музыканты только классикой интересуются.

Тео рассмеялся:

– Дирижёры рождаются прямо во фраках, скрипачи спят в обнимку со скрипками, а балерины ходят исключительно на пуантах!

И, посерьёзнев, добавил:

– Мы – обычные люди, с обычными человеческими по-

требностями и интересами. Возможно, немного ближе к небу. Видим или слышим чуть больше, дальше, глубже остальных. Наше счастье – это создавать нечто красивое и делиться этим с другими людьми. А что касается Канчели, то каждый раз, когда я беру в репертуар произведение нового для меня композитора, я ищу точки соприкосновения с ним, чтобы слиться с его музыкой. Но не через его биографию. Я прочел много биографий известных композиторов, и теперь стараюсь их забыть. Хочу воспринимать композитора только через его музыку. Я изучаю его музыку разных жанров и направлений. Чем разноплановой композитор, тем интересней.

– Перебежим? Успеем? – вдруг, резко сменил тему разговора Тео, беря Беллу за руку и указывая на зеленый сигнал светофора, который уже начал мигать, предупреждая о скорой смене на запрещающий красный цвет.

Они перебежали улицу, и пошли по направлению к Большому залу Консерватории. Руку Беллы Тео не отпустил. Получилось, что она его провожает.

Проводила. Перед дверью он чуть сжал своими пальцами её руку и... отпустил. Молча ушёл. Белла развернулась и пошла прочь. Её трясло мелкой дрожью. Шла к метро, обхватив себя руками, чтобы унять трясучку. Вот и закончилось её волшебное приключение...

¹⁴ – термин «монголо-татарское иго» прочно укоренился в общественном сознании русского народа, причём, как си-

ноним современному термину «оккупация». Тем не менее, жители Руси XIII – XVвв такого определения зависимости русских княжеств от Орды не давали.

«Монголо-татары», вообще, искусственный термин. Он впервые появился только в 1817г. Имя одного из народов Восточной Монголии «татары» ещё за несколько столетий до монгольских завоеваний служило на Востоке общим обозначением народов и племён Центральной Азии – в том числе и, собственно, монголов. Поэтому в русских средневековых текстах, этноним «монголы» не употреблялся, а многоплеменные монгольские войска повсеместно именовались татарами. Вот отрывок из Ипатьевской летописи: *«...В год (от сотворения мира) 6748-й (1240-й). Пришел Батый к Киеву с силой тяжкой, со многим множеством силы своей, и окружил город, и осадила (город) сила татарская. И был город в осаде великой. И пребывал Батый у города, и воины его осаждали город, и нельзя было слышать (друг друга в городе) из-за звуков скрипа телег его, рева множества верблюдов его и ржания табунов его, и была заполнена земля Русская врагами...»*

Всеобщее заблуждение, ярко выраженное в поговорке «Поскреби русского и найдёшь татарина», опровергается генетическими исследованиями, которые установили, что монгольские гаплогруппы на территории европейской части России представлены в процентном отношении, стремящемся к 0. И это после 250-и лет ига! Потому что ига в понима-

нии «оккупации» не было. Были набеги, нашествия, битвы, разорение городов, массовое истребление мирных жителей ради устрашения и создания вассальной зависимости (только личная явка к хану могла способствовать получению ярлыка на княжество; ближайшие родственники князя должны были служить в дневной страже хана, будучи фактически заложниками), налоговой зависимости (выплата ежегодной дани), административной зависимости (появление в русских княжествах особых ордынских чиновников), военно-политической зависимости (введение всеобщей воинской повинности для участия в военных акциях Орды) *(из Википедии)*

8

Дома, чтобы вытеснить из головы мысли о Тео, Белла открыла компьютер и нашла в Википедии статью о грузинском композиторе Гии Канчели. Удивилась плодовитости композитора, создавшего множество классических произведений, (их перечень не уместился на экране монитора) и ещё большому количеству фильмов и спектаклей, к которым он написал музыку.

Прослушала сюиту из музыки к фильму «Кин-дза-дза» и ей послышались некие общие темы с литургией.

Спохватилась, что, пока не очень поздно, надо позвонить бабуле и рассказать о знакомстве с великим дирижёром Теодоро Головановым-Галанис. Версию выдала, конечно, в усе-

ченном варианте, без ресторана, прогулки и откровенных разговоров. Но и этот вариант вызвал восторг бабули. И она тут же начала названивать своим подружкам по походам на концерты классической музыки, чтобы поделиться своими эмоциями от того, что пережила её внучка.

9

Утром Белла нашла в себе силы прослушать в записи литургию «Оплаканный ветром». Теперь, после рассказа Тео, музыка воспринималась совершенно по другому. И первый возмущенный аккорд фортепиано – как обухом по голове от смерти близкого человека. И горе альты, и плач скрипок, и тоска труб, и гнев барабанов, и светлая грусть флейт, и не желание смириться со смертью и смирение всего оркестра перед неизбежностью конца жизни любого человека...

Катарсис очищения...

Когда падают звезды, это, ведь, только тебе кажется, что они падают, а, на самом деле, они продолжают свой полёт, просто скрылись за горизонт, ушли из поля твоего зрения. Это ты упала, а они летят дальше. Они свободны. Они не виноваты, что тебе больно...

10

Через несколько дней в дверь Беллы позвонили, и курьер

вручил ей коробку конфет. У Беллы ёкнуло сердце – Тео! Но потом она засомневалась. Это мог быть и Никита. Он не оставлял попыток помириться (это он думал, что они поссорились, а Белла считала, что расстались). Правда, подобных шагов он раньше не предпринимал.

Белла покрутила коробку – никакой подписи или прикреплённой записки не нашла. «Ну, и ладно! Отдам бабуле, – решила Белла, – Попьёт чайку с подругами». И положила конфеты на полку. Но что-то её тянуло за душу. Взгляд то и дело падал на полку. И Белла не выдержала, открыла коробку, а там...

А там, под крышкой, лежал диск и квадратик бумаги, исписанный аккуратным, почти каллиграфическим почерком с перечислением музыкальных произведений. Знаменитых композиторов и композиторов, фамилии которых были Белле не знакомы. С названиями, которые вызывали недоумение, такое как Д.Тавенер¹⁵ «Реквием Ахматовой для сопрано, баса и оркестра». Белла, к своему стыду не знала, что поэма Ахматовой положена на музыку, да ещё и не советским композитором, а, явно, иностранцем. Или такое забавное, вызывающее улыбку – А.Пярт¹⁶ «Если бы Бах разводил пчел». Или такое, что сразу же захотелось послушать, как О.Мессиаан¹⁷ «Каталог птиц» для фортепиано и ансамбля. Как это – птицы и фортепиано? Ну, ладно, флейта, свирель, но фортепиано?

Белла вспомнила, что Тео говорил о композиторах. Что надо воспринимать их не по биографиям, а через их музыку. И догадалась – Тео дарит ей возможность заглянуть в его мир, понять его душу через музыку, которую любит он.

Хотелось, очень хотелось сразу прослушать весь диск. Но Белла положила за правило слушать одно произведение в день, чтобы вникнуть, понять, прочувствовать. Растянуть удовольствие. И с удивлением обнаружила, что на диске записана не только музыка, но и шум города, пение птиц, дыхание ветра, плеск воды...

¹⁵ – сэр Джон Кеннет Тавенер – британский композитор. Что удивительно – принявший православие. Его обращение к Православной Церкви стало результатом растущего убеждения, что восточные традиции сохранили изначальную сущность христианства, которую Запад потерял. Он писал: *«С детства я ощущал метафизический, духовный смысл реальности... Однажды я зашёл в одну из русских православных церквей в Лондоне и почувствовал себя там, как дома. Всё было необычайно просто: я оказался в своем доме, и я остался в нём»* (из Википедии)

¹⁶ – Арво Пярт – эстонский композитор. Как ни странно, тоже принявший православие. Собственный стиль композитор определил метафорически – как *tintinnabuli* (буквально – «колокольчики»; подразумеваются небольшие церковные колокола с характерными «призвучками»). О музыке в этом

стиле он говорил так: *«Каждая фраза дышит самостоятельно. Её внутренняя боль и снятие этой боли, неразрывно связанные, и образуют дыхание. В паузах нужно научиться слушать тишину, уметь прочувствовать вибрацию каждого звука, его дление и переход в другой звук, весомость этого шага... Нельзя торопиться. Надо взвешивать каждый шаг от одной точки до другой на нотной бумаге. Надо, чтобы шаг был совершен только после того, как ты пропустил все возможные ноты через своё «чистилище». Тогда звук, переживший до конца все испытания, будет истинным»* (из Википедии)

¹⁷ – Оливье Эжен Шарль Проспер Мессиа́н – французский композитор, теоретик музыки, педагог, органист и пианист, блестящий импровизатор. Изучал традиции неевропейских культур – индийской, японской, латиноамериканской. Увлекался орнитологией, особенно изучением голосов птиц (из Википедии)

11

Белла не стала звонить Тео. Постеснялась. Мало ли в какой момент его застанет звонок? Может, он будет занят на репетиции, например. Написала SMS: «Спасибо». Потом мучилась, что получилось сухо, но сообщение отправлено, и что-то переделывать было как-то глупо. А в глубине души надеялась, что он позвонит первым.

Когда прослушала первое произведение «Песня в стиле

Моцарта» Мессиаана, поделилась с Тео своими впечатлениями тоже в SMS. Он не ответил. И Белла больше писать не стала. Решила, что ему не нужна эта переписка, а диск был просто жестом вежливости.

Через несколько дней от Тео пришло сообщение: «?» Белла обрадовалась – значит, он, все-таки, хочет продолжения их общения! И дальше, как примерная ученица, поступала в рамках, очерченных Теодором – исправно отправляла SMS со своими тщательно сформулированными впечатлениями от следующего прослушанного произведения.

12

Сколько ни растягивай удовольствие, всё равно оно когда-нибудь закончится. Всё в этом мире имеет свойство заканчиваться. Вот и диск подошёл к концу. Можно было, конечно, перетрясти интернет и выудить оттуда программы концертов Теодора, переслушать и их, но и музыка с диска, не то чтобы заставила Беллу сделать некоторые выводы, а, скорее, создала некие ощущения. И выразались они словами: «одинокчество» и «многие знания – многие печали»¹⁸

Ощущения переросли в уверенность, когда очередной курьер вручил Белле изящный букет, составленный из белых цветов, где роль королевы играла нежно, но настойчиво пахнущая лилия – её любимый цветок, с запиской: «И ты пойми, что в мире бренном, где все надежды хороши, дороже

всех прикосновений – прикосновение души»¹⁹.

Во флористике белые цветы ассоциируются с легкостью, чистотой, невинностью и нежностью. Их дарят девушкам в знак самых чистых и добрых намерений, говоря, что готовы добиваться её медленно и постепенно. Белла всего этого не знала. Она просто вдохнула сладкий и тонкий аромат, и почувствовала себя счастливой.

¹⁸ – в «Книге Экклесиаста» (в переводе с еврейского – «говорящий в собрании», «проповедник») из ветхозаветного Священного писания, авторство которой приписывается Соломону, написано так: «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

Эти слова говорят об опыте человека, стремившегося приобрести мудрость и всевозможные знания. Однако по прошествии времени ощутившего, что все это было суетой жизни, погоней за ветром. Счастье на земле обретено не было, увеличились лишь страдания от понимания призрачности человеческой надежды.

Но в Христианской традиции понимание временности земной жизни не является поводом опускать руки. Суета и бессмысленность открывают человеку собственную беспомощность, заставляют его искать ответы на волнующие душу вопросы. Где же найти опору? В чем смысл происходящего и всей жизни? Эти искания человека приводят к тому, что ему открывается присутствие Бога, рождается вера, появля-

ется надежда. Христианское отношение к жизни заключается в стремлении обретения единения с Богом, что означает покой и блаженство.

¹⁹ – перефразированные слова из стихотворения Г.Гольдштейна «Прикосновение души»:

Порою так немного надо
Для исцеленья от тоски,
Тепло участливого взгляда,
Прикосновение руки.

И слову доброму внимая,
Уже весь мир вокруг любя,
Ты отхлебнешь крутого чая,
Заваренного для тебя.

И вдруг поймешь,
Что в мире бренном,
Где все надежды хороши,
Дороже всех прикосновений -
Прикосновение души.

13

А примерно через неделю Белла уже тряслась в поезде на пути к Тео в Краснодар. Он пригласил её в гости. И она вы-

ехала ближайшим поездом, на который смогла купить билет. Благо, что конец апреля, хоть на наших югах и тепло, но купальный сезон ещё не начался. А так пришлось бы отлавливать билеты за 45 суток.

Краснодар встретил Беллу ярким солнцем и широкой улыбкой Тео. После серой, слякотной, холодной Москвы это было, как будто, оказаться в райском саду. Потому что вокруг всё благоухало и цвело. Цвели клумбы на площадях, цвели кустарники в парках, цвели деревья вдоль бульваров. Цвели даже ели! Нежно-салатовыми и светло-фиолетовыми шишечками, трогательно торчащими вверх. А ещё цвели здания – бывшие купеческие особняки, на центральной улице Краснодара – Красной. Цвели и радовали глаз свежеотре-

ставрированными своими фасадами пастельных оттенков с белоснежной витиеватой лепниной.

– Я тоже впервые приехал в Краснодар в апреле. И сразу влюбился в город. Солнце, море, горы, буйство красок и ароматов, фрукты...

– Почти Греция? – догадалась Белла.

– Почти, – улыбнулся Тео.

Встреча на вокзале, короткая прогулка по городу, пока добирались до отеля, и несколько часов перед отъездом Беллы в Москву – вот и всё время, которое им с Тео удалось провести вместе.

Фестиваль, на который Тео пригласил Беллу, требовал его постоянного внимания, и как его идейного вдохновителя, и как руководителя. Концерты, оперы, перформансы, выставки, фильмы, поэтические вечера, образовательная программа для студентов и педагогов музыкальных школ, мастер-классы были так плотно утрамбованы в 5 дней, что попасть на всё не было никакой возможности. Приходилось выбирать. И, конечно, в первую очередь, Белла выбрала концерт, где оркестром дирижировал Тео.

Концерт состоял из редко исполняемых сочинений барочных композиторов, авангардистов XX века и современных авторов: А.Мустукиса, Г.Пёрселла, Т.Такэмицу, Ф.Филидеи. Необычный состав инструментов – от мандолины до пины, неординарные приемы звукоизвлечения (как у Канчели на струнах рояля) и техника исполнения (видимо, Теодор обо-

жает экспериментировать) отличали большинство произведений. Но душу Беллы тронуло только одно произведение – нежная, исполненная в классическом стиле «Серенада для струнных» Элгара.

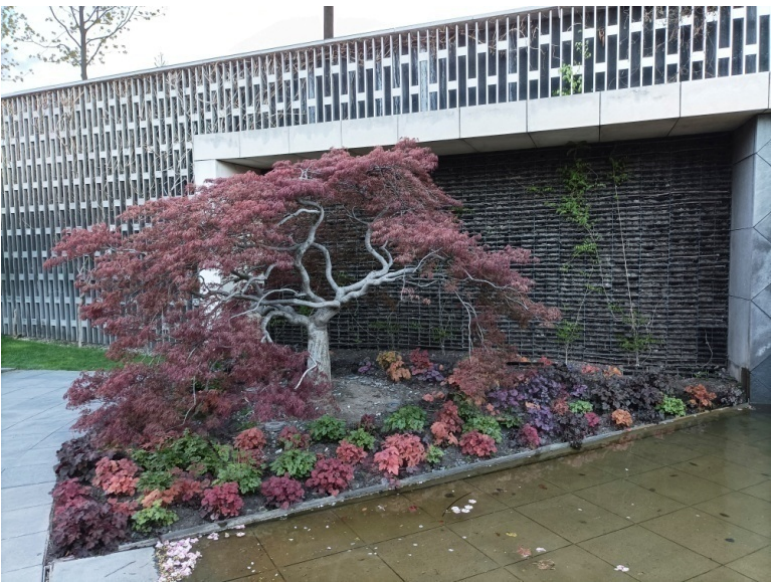
К сожалению, на второй концерт Тео Белла не попала, в этот день она уезжала в Москву. Ей было очень-очень жаль, поскольку в программе стояли две последние симфонии Моцарта №40 и 41 «Юпитер», да ещё и исполняемые на жильных струнных и старинных духовых инструментах эпохи композитора. Программа, с которой оркестр Тео собирался вскоре выступать на Международном фестивале старинной музыки Resonanzen²⁰ в Вене, где 2 года назад им сопутствовал бешеный успех, и где Тео проснулся на утро звездой мирового масштаба. Что за невезуха? Из Краснодара надо уезжать, а до Австрии не дотянешься...

Но, зато, Тео смог вырваться после проведения мастер-класса для дирижёров, и до вечернего концерта они успели и перекусить в кафе «Vinsent»²¹, и погулять в новом парке «Краснодар»²².

Всё-таки творческий человек остаётся творческим даже при выборе мест для еды. Тео второй раз пригласил Беллу в ресторан и опять с необычной авторской кухней. Ну, ладно, аппетитные закуски, заранее будоражащие вкусовые ощущения – Тигровые креветки-фламбе с соусом Чили де Майен или Мидии киви под сыром с соусом ворчестер и томатами.

Белла, в конце концов, не была записным гурманом и могла чего-то просто не знать. Но десерты? Ванильный хлеб (!) с алоэ (!) с сырным муссом или Сырное мороженое (!) с грушей?! А вкусно-то как было – отпад!

Придя в парк, они совершили не только пространственный, но и временной скачок лет этак на 150, перенесясь из самого начала XX века улицы Красной в будущие десятилетия века XI-го. Суперсовременный, креативный парк. Чего там только не было! Скульптуры и арт-объекты, круглые и плоскостные фонтаны, водный и музыкальный лабиринты, скейт-парк и скалодром, амфитеатр с огромным плазменным экраном для трансляции спортивных мероприятий, террасный цветочный сад и множество деревьев от обычных лиственных до пальм и вечнозелёных субтропических. Яркий, разноцветный французский сад и строящийся японский (японский водный уголок уже был).

Тео был немного отстранён от окружающей действительности, погружён в себя. Видимо, все его мысли были поглощены фестивалем. Говорили о музыке. Белла призналась, что не всё, что она слушает, трогает её. Не всё понимает, не всё чувствует. Иногда бывает откровенно скучно. А подчас мурашки бегают по телу. Временами тянет в сон, хотя и музыка красивая, и хочется впитать её каждой клеточкой души, а глаза смыкаются, и всё тут! А порой так затягивает, что, кажется, душа отделяется от тела и вот-вот улетит в какое-то

параллельное пространство и тогда становится откровенно страшно.

Тео очень внимательно выслушал Беллу, помолчал, а потом задумчиво сказал:

– Музыка – это ритуал, почти религиозный. Нужно, чтобы люди не только слушали ушами и видели глазами, но и открыли для неё сердце и душу. Поверили, что есть жизнь после смерти, но и существует жизнь до смерти. Даже если скучно и непонятно, душа впитает музыку, и сердце рано или поздно поймёт, получит эмоциональный ожог, распахнется, примет.

На вокзале, в ожидании поезда, Белла размышляла о том, зачем Тео пригласил её в Краснодар? Город, где он обосновался, который выбрал сам, в котором собирается прожить всю жизнь. Только из-за фестиваля? Ведь не для того, чтобы продолжить её просвещение в музыке? Хотя, только о музыке они и говорили. Единственное, что отличало его от учителя, это то, что он держал её за руку, и нежно перебирал своими длинными пальцами её пальцы. Поцеловать даже не пытался. Домой не пригласил. Поднять их отношения на новый уровень не спешил. Или не хотел?

Так всё это было странно и непонятно Белле, как фильм, который она посмотрела в рамках фестиваля – «Зачем снятся сны». Станный фильм, смонтированный из фрагментов кинохроник, игрового и научно-популярного кино времён СССР, без сюжета и сценария, в котором видеоряд и музыка

существуют по отдельности, сходятся и расходятся, вторят друг другу или спорят друг с другом.

Белла полезла в интернет, чтобы почитать что-нибудь о фильме, найти для себя разъяснения, но, по крайней мере, на первых выпавших страницах, информации не было. Были ссылки на научные статьи, где Белле оказалась созвучна теория о том, назначение снов – помочь психике справиться со всем, что было прожито за день, упаковать впечатления, перечувствовать и переосмыслить пережитые эмоции и сбросить пар. Именно поэтому сны так плохо запоминаются. И ещё были песни с одинаковыми названиями «Зачем снятся сны», одну из которых когда-то пела Эдита Пьеха, а в наше время исполняет группа «Гражданская Оборона». На деле, текст песен оказался одинаковым, написанным Робертом Рождественским:

«Тебе сказала:

«Ночью

Тебя я видала с другой!

Снилось: на тонкой ноте

в печке гудел огонь.

Снилось, что пахло гарью.

Снилось, метель мела,

Снилось, что та – другая -

тебя у метро ждала...

Это было началом

*и приближеньем конца.
Я где-то ее встречала -
жаль, не помню лица.
Я даже тебя не помню,
Помню, что это – ты...
Медленно и не больно
падал снег с высоты.*

*Сугробы росли неизбежно
возле холодной скамьи.
Мне снилась твоя усмешка.
Снились слезы мои...
Другая сидела рядом.
Были щеки бледны...
Если все это – неправда,
Зачем тогда снятся сны?!!!!!!!*

*Зачем мне, скажи на милость,
знать запах ее волос?..»*

*А мне ничего не снилось.
Мне просто не спалось...»*

«Так, может быть, всё это – Благотворительный бал, прогулка по Александровскому саду, Краснодар, и мне, и Тео только снятся? Зачем нам этот сон один на двоих? Рука в

руке? Глаза в глаза? Сердце с сердцем? Или этот сон снится только мне?», – думала Белла и ни к какому выводу не приходила. Её структурированные мозги будущего юриста жаждали определённости, а с Тео всё было трепетно, зыбко и логике не поддавалось.

²⁰ – название фестиваля говорит о резонансе эпох и культур, актуальности старинной музыки в наши дни. Здесь можно окунуться в музыкальную эпоху XVI, XVII и XVIII столетий.

²¹ – адрес кафе «Винсент»: Краснодар, ул.Мира, 35

²² – городской парк, неофициально называемый «Парк Галицкого» по имени предпринимателя Сергея Галицкого, на средства которого был построен. Красивейший рекреационный объект со множеством прогулочных дорожек, водоемами, зонами для активного досуга и другими интересными участками. Парк – лауреат в номинации «Общественное пространство» всероссийской премии в области архитектуры и дизайна «Приметы городов» в 2017г. И лучший парк в номинации Eurasian Park Awards, премия International Лардж Urban Parks Awards в 2019г. (*из Википедии*)

Засела в интернете. Рецензии музыкального критиков появятся в СМИ только утром, а мнения обычных слушателей уже вываливались в чаты, как из рога изобилия. Интернет кипел. Неудивительно, поскольку интерес был подогрет выступлением оркестра Тео на фестивале. Только в то время мнения и профессионалов, и обывателей о трактовке Теодоро Галаниса симфоний Моцарта были едины в своей положительной оценке. Информагенство АРА писало: «...Блестящий русский оркестр запросто выбил из реальности австрийскую публику – густое звучание струн в прекрасных пассажах, стремительные жесты дирижёра – на концертах Теодоро Галаниса воздух наэлектризован до предела. Музыканты играют так слаженно и мощно, что, кажется, стены вот-вот взорвутся от такого грандиозного напора. Но искушённый слушатель восторгается не этим, а той чувственностью, с которой они исполняют произведения. Жизнеутверждающее начало, трагичность и нежность, доведённые до абсолюта. Техника исполнения и современное звучание, доведённые до совершенства». Как это – аутентичные инструменты XVIII века и «современное звучание»?

Тогда, месяц назад, Белла ориентировалась только на это, высказанное другими людьми, мнение, поскольку на фестивале в Вене её не было. А сейчас, когда она сама присутствовала на концерте Тео в Государственном театре Зальцбурга, могла составить своё. Специально не стала ничего читать и слушать в записи симфонии Малера²³, две из которых

Тео включил в программу двух дней в Зальцбурге. Малер был новым для неё композитором, с произведениями которого соприкоснуться ей ещё не приходилось, и потому хотелось вслушаться в его музыку свежим, не замутнённым чужим мнением, «взглядом».

Полемика, развернувшаяся в интернете по поводу сегодняшнего концерта, на котором исполнялась 6-я Симфония Малера, касалась, в основном, интерпретации её дирижёром. Часть людей услышала в Симфонии, исполняемой Теодором, гимн любви во всех её проявлениях, и восторгалась такой её интерпретацией. Часть не приняла такую трактовку, считая, что она исказила замысел композитора, сделала его более мелким, как пророческого произведения, предсказывающего катастрофы двадцатого столетия, гибель целой эпохи, скорбь автора за будущее. Ведь недаром Симфония была названа «Трагической». Но первая, восторженная часть, возражала, что наоборот, дирижёр расширил её границы, лишил *каждого* отдельного человека возможности спрятаться за *коллективной* ответственностью за всё то, что произойдёт в будущем. И финал, когда боги пытаются договориться с людьми или, наоборот, люди пытаются договориться с богом, звучит уже по-другому – приходит бог с молотом и говорит: «О, глупые люди! С вами очень сложно! Вы не только с богами – ни с кем не можете договориться!» Но все сходились в одном – в нетерпеливом ожидании завтрашнего концерта и предвкушении интерпретации Теодоро Галанисом 1-

й Симфонии Малера.

Белла в своём мнении была солидарна с первой, восторженной, частью интернет-чатова. Она вообще услышала в симфонии историю сродни истории Ромео и Джульетты. Трепет чувств, накал страстей, радость взаимной любви, бесконечная нежность, горечь расставания, тревога в ожидании встречи, отчаянье, безысходность. Но что заставило её смутиться до жарко вспыхнувших щёк, и учащённо забиться её глупому влюблённому сердцу, так это высказывание людей, которые слышали исполнение 6-й Симфонии Теодоро Галанисом раньше, и отнюдь не в этой, новаторской интерпретации, а ближе к той, традиционной. Что же изменилось *в нём*, что его видение этой музыки поменялось?

Белле очень-очень хотелось верить, что этому виной было её появление в жизни Тео. Она пыталась окоротить своё воображение. Но поведение Тео постоянно подкидывало дровишек в огонь, полыхающий в её душе. Начать с того, что сразу после возвращения с фестиваля в Вене, Тео впервые позвонил сам. И звонил каждый день вплоть до их вылета в Зальцбург. Причём, музыканты его оркестра вылетели прямым рейсом из Краснодара, а он сделал крюк, чтобы вылететь вместе с Беллой из Москвы.

У них было полдня, чтобы погулять по Зальцбургу. Сначала они поднялись на фуникулёре на вершину горы Фестунг, где располагается средневековая крепость Хоэнзальцбург. С её крепостных стен открывается захватывающий вид на Зальцбург, поделённый на две части извилистым руслом реки Зальцах. А потом прогулялись по его центральным улочкам. Посмеялись над памятником конфете «Моцарт», выполненным без всяких затей в виде огромного золотого шара, резко диссонирующего с окружающей стариной, со стоящим наверху тёмным человечком, который символизирует шоколад, а, отнюдь, не президента США Барака Обаму, как утверждают местные остряки. Лавируя в толпе, прошли по узкой пешеходной улице Getreidegasse, рассматривая её дома с вычурными вывесками, богато украшенными позолотой. С благоговением постояли перед домом, где родился Вольфганг Амадей Моцарт. Прошли насквозь радующий глаза разноцветьем и обоняние благоуханием многочисленных клумб парк Мирабель с его забавной Поляной гномов²⁴. И закончили день чашечкой ароматного венского кофе с приторно-сладким шоколадным тортом Захер.

(И, кстати, Белла воочию убедилась в известности Тео в Австрии. К нему то и дело подходили прохожие, чтобы взять автограф или высказать ему своё восхищение)

А ещё Тео пообещал Белле два дня после концертов.

Полных два дня, когда они будут вдвоём. И только вдвоём. У Беллы кружилась голова от возможного, того, что, может быть, произойдёт. Но она суеверно гнала от себя мысли о близости с Тео, заменяя на перспективы туристического характера – отправиться под Зальцбург во дворец Хельбрунн с его водными шутихами, махнуть в Вену, добраться до Иннсбрука со знаменитым Музеем кристаллов Сваровски, посетить старинный городок Грац. Но то ощущение, что в этой поездке что-то случится, непременно что-то хорошее, предвкушение этого, прочно свернувшееся теплым клубочком у Беллы где-то внизу живота ещё с предложения Тео поехать вместе с ним в Австрию, всё уплотнялось и усиливалось.

02/05/2013

²³ – Густав Малер – австрийский композитор XIX века. При жизни был больше известен как дирижёр. И только спустя полвека после смерти получил настоящее признание – как один из крупнейших симфонистов XX века, хотя его музыкальное наследие не многочисленно: несколько песен и около десятка симфоний (последняя не окончена) (*из Википедии*)

²⁴ – скульптуры гномов, изображающих типичные зальцбургские промыслы, появились в парке еще в 1715г – воин,

пекарь, лесоруб, соледобытчик, охотник, пивовар и так далее. Изначально гномов было 28, но сейчас в наличии 15.

15

Из сна Беллу выдернул стук в дверь. Спросонья она испугалась, что они опять заливают чужую квартиру, и в их дверь барабанит сосед снизу, было у них с мамой такое однажды. Потом сообразила, что она не в своей квартире и даже не в Москве, а в отеле Зальбурга, и поплелась открывать дверь.

– Кто там?

– Я.

Тео перешагнул порог и судорожно обнял Беллу. Схватился за неё как за спасательный круг. Глухо произнёс:

– Мама... Умерла...

Беллу как током ударило в сердце. Она усадила Тео на стул. Он не отпустил её от себя, продолжал держаться обеими руками, посадил к себе на колени. Белла гладила его, как маленького, по голове и целовала волосы. Тео мелко дрожал.

– Может, чай или кофе? – робко предложила Белла.

Тео отрицательно покачал головой и ещё глубже зарылся в её волосы.

– Может, приляжешь?

Тео на мгновение замер, а потом встал со стула вместе с Беллой на руках, и сделал пару шагов до кровати... Приник к Белле поцелуем, как будто надеялся заполнить через по-

целуй лекарство от
навалившегося горя.

Что это было – просто секс, чтобы сбросить напряжение? Или любовь, нуждающаяся в поддержке? Или дружеское участие, выраженное в такой форме? Белла затруднилась бы ответить. Да и не думала об этом. Просто была рядом с любимым. Душой, сердцем и телом. С любимым, раненным горьким известием. Врачевала его, как могла.

16

Белла проснулась и, даже не открывая глаз, поняла, что Тео не спит. Он, действительно, лежал на спине и смотрел в потолок. Одной рукой обнимал Беллу, а вторую положил под голову.

– Как ты? – приподняла голову Белла.

Тео не ответил. Поцеловал Беллу в голову и ещё крепче прижал к себе. Через некоторое время сказал:

– Надо купить билеты в Афины на сегодня.

– Давай посмотрю, – всполошилась Белла и потянулась за телефоном на прикроватной тумбочке.

Покопавшись в интернете, с сожалением констатировала:

– Прямых рейсов нет. На сегодня есть один билет днем с двумя пересадками.

– Нужно два.

– Вот, есть, ночью. Одна пересадка. В каком-то Закинто-

се. Завтра в двенадцать двадцать будешь в Афинах. Брать?

– Бери.

– Нужен твой паспорт.

– Всё в номере.

– А ключ?

– Я не помню, как вышел. Посмотри, может, там открыто.

Дверь в номер Тео оказалась закрытой. Видимо, уходя, он её захлопнул. Белла посмотрела на часы – 5 утра. Но ведь должен быть в этом пафосном и, явно, дорогом отеле кто-то дежурить на ресепшене ночью?! (Насколько дорогим, Белла не знала, поскольку Тео настоял, что все расходы по поездке будет оплачивать он).

Ночной портье нашёлся. К просьбе Беллы открыть дверь в чужой номер отнёсся с подозрением, даже после того, как она вынуждена была посвятить его в ситуацию. Успокоился только после того, как получил разрешение лично от Тео.

Белла не стала копаться в сумке Тео, взяла её целиком, а также захватила его телефон и ключ от номера. Уже бронируя билеты, спохватилась:

– А второй билет кому? Его паспорт тоже нужен.

– Тебе, – коротко ответил Тео.

Белла сглотнула и начала вбивать в окошко данные своего паспорта, попутно, где-то на втором плане сознания, думая о том, что Тео удалось-таки вручить ей свою карточку и пин-код от неё. Потом вспомнила про обратные билеты из Зальцбурга, спросила:

– Из Зальцбурга билеты попробовать сдать?

Это, скорее всего, можно было сделать только на основании справки о смерти, но произнести это вслух духу у Беллы не хватило. И не понадобилось. Тео резко ответил:

– Плевать.

– Может тебе что-нибудь принести? – спросила Белла, нежно накрыв руку Тео своей ладонью, когда закончила процедуру оформления билетов.

– Нет. Ложись рядом. Мне так легче.

И опять они оказались в позе, в которой проснулись – Тео лежал на спине и смотрел в потолок, положив одну руку под голову, а второй прижимая Беллу к себе.

– Я не смогу сегодня дирижировать...

– Никто не имеет права требовать этого от тебя. Я сама предупрежу герра Краусса. Только, наверное, раньше десяти часов это вряд ли будет удобно.

Клеменс Краусс был импресарио Теодора по концертам в Европе. Они сотрудничали уже 2 года, с того фестиваля в Вене, где Тео произвёл фурор. Белла познакомилась с Крауссом в Зальцбурге. Сколь ни был он галантен с ней во время знакомства, Белла сразу почувствовала его настороженность по отношению к ней. Да и она, почему-то, сразу ощутила к нему неприязнь. Что-то подсказывало Белле, что разговор с ним об отмене сегодняшнего концерта не будет лёгким.

Видимо, Белла задремала, потому что очнулась, когда Тео зашевелился и даже, как ей послышалось, застонал. Она встрепенулась. Подняла голову. Он лежал всё в той же позе. Явно, так и не спал. Спросила:

– У тебя руки затекли? Я сейчас...

И Белла попробовала отстраниться от Тео, снять с его плеча тяжесть своего тела.

– Нет, – возразил он и вернул голову Беллы обратно.

Поцеловал её волосы. Тихо произнёс:

– Глаза режет. Как песок насыпали.

– Потому что ты глаз не сомкнул. И не плакал. Поплачь! Тебе легче станет. Думаешь, женщины плачут только потому, что слабые? Так, правда, легче становится. Давай я тебя хоть умою, – закончила Белла и, быстренько перекатившись по Тео, вскочила с кровати.

Намочила полотенце и нежно обтёрла лицо Тео. А когда приступила к его рукам, он перехватил её руки, поцеловал ладонки, а потом потянул Беллу на себя, заглядывая в её глаза с жадностью и любовью. Он так открыто, так откровенно не только брал, но и дарил свою страсть, что невозможно было отличить секс от любви, любовь от утешения, утешение от секса.

В десять Беллу разбудил звонок будильника. Она подняла

голову и увидела, что Тео уже не спит.

– Ты поспал хоть немного? – спросила заботливо.

– Зачем завела? – предпочёл он не отвечать на вопрос.

– Чтобы предупредить твоего импресарио. Там же, наверное, надо решить какие-то вопросы с залом?

– Не надо. Я буду дирижировать. Другую программу. Скажу ему сам. Позже.

– Хорошо. Раз, уж, проснулись, давай позавтракаем?

– Не хочу. Ты поешь, только не уходи, закажи в номер.

Белла не стала уговаривать, но твёрдо решила про себя, что заставит Тео поесть. Да он сам не устоит, как только ароматный кофе наполнит своим благоуханием комнату!

После завтрака Белла, по просьбе Тео, собрала его вещи и перевезла к себе в комнату. Распечатала с флешки дирижёрскую партитуру литургии «Оплаканный ветром» Канчели на принтере ресепшена. Сам ли Тео вспомнил об этом произведении или на эту мысль его натолкнули слова Беллы – какая разница? Белла очень надеялась, что после этой тяжёлой, разрывающей душу музыки, всё то сумрачное ощущение внутренней драмы, вся эта трагедия и все переживания, развеются в душе Тео и переплавятся в светлые воспоминания о матери, её душевном тепле и ласковых руках. Горькое лекарство Литургии спасёт Тео от бездны отчаянья...

О распечатке там же, на ресепшене, оркестровой партитуры Литургии не могло быть и речи, не говоря уже о партиту-

ре 7-й симфонии Шостаковича. Портье уже начал коситься на Беллу, когда она печатала тридцать четыре минуты Литургии, что, уж, говорить, как он отнесётся к почти полутора часам Симфонии. Значит, надо искать место, где можно было распечатать эту кипу нотных страниц. Кроме того, ей обязательно нужен помощник, чтобы она ничего не напутала в партиях отдельных инструментов.

Поразмыслив, Белла решила обратиться к концертмейстеру²⁵ оркестра, он же его первая скрипка – Василию Тернову. Может, импресарио и администрации концертного зала и достаточно будет узнать об изменении программы сегодняшнего концерта «позже», как выразился Тео, но оркестр-то должен подготовиться и морально, и технически чем раньше, тем лучше. Белла всё равно не решилась на самостоятельные шаги, пошла спрашивать разрешения у Тео. Но Тео спал, свернувшись клубочком, подгребя под себя и одеяло, и её подушку. И это очень хорошо! Белла невесомо погладила его по волосам, поцеловала в щёку и отправилась выполнять задание.

Печать партитур заняла всё время до вечера. Понимая объём работы, Василий привлёк к распечатке ещё несколько человек. Как только партитура той или иной группы инструментов была готова, она тут же отправлялась в отель, где музыканты, объединившись в комнатах, начинали самостоятельную репетицию. Весь этаж отеля, на котором проживали оркестранты, наполнился какофонией звуков.

Белла отвлеклась от распечатки только один раз – чтобы проведать Тео и заставить его съесть обед. В этот раз еде Тео не сопротивлялся. Безропотно проглотил то, что заказала ему Белла, и улёгся спать обратно.

А когда Белла вернулась с дирижёрскими партитурами обоих произведений, Тео в номере не было. Пришёл, где-то, через час. Бледный, но сосредоточенный и решительный. На немой вопрос Беллы ответил:

– Клеменс формально высказал свои соболезнования, но всю финансовую ответственность возложил на меня.

– О какой сумме идёт речь? – включился в Белле юрист.

– Неустойка, возврат билетов, репутационные потери. Не мало. Но я справлюсь.

– Почему «я»? Почему не «мы»? Я тоже буду участвовать.

– Ребята тоже так сказали. Но это моя проблема и моё решение.

– Ты сам мне говорил, что вы – как семья, – осторожно сказала Белла, – Подумай об этом.

Тео замер на мгновение, а потом подошёл к Белле и крепко обнял. Тихо произнёс:

– И после этого меня ещё спрашивают, за что я люблю Россию...

²⁵ – это второй по важности музыкант после дирижера. Главная работа концертмейстера не видна глазам зрителей. Он помогает музыкантам привести игру в соответствие

дирижерской задумке, несет ответственность за звучание и строй оркестра, и ведет основную партию, которая, как правило, исполняется скрипкой.

18

Сидя одна в ложе, Белла наблюдала за тем, как публика заполняет зал. Люди занимали свои места, переговаривались, чему-то смеялись, высматривали кого-то из знакомых, и не подозревали, что вскоре испытают культурный шок или эмоциональный ожог, как предпочитал говорить Тео.

Никакого объявления об изменении программы в театре не было. На этом настоял Тео. Как то австрийцы отнесутся к замене произведений своего соотечественника на тяжёлое, непонятное на первый взгляд для восприятия произведение, никому не известного здесь, скорее всего, Канчели? И трагическое, патриотическое Шостаковича? Поймут ли мотивы, подвигнувшие Тео на изменение программы? Прочувствуют ли музыку? Перед концертом Белла спросила Тео, готов ли он к тому, что публика покинет зал? А он ответил, что ему будет достаточно даже если в зале останется только один человек – она, Белла.

Когда оркестранты начали выходить на сцену, атмосфера в зале резко изменилась. Начавшиеся, было, аплодисменты как-то быстро сникли, и даже общий гомон прекратился. Дело было даже не в том, что все музыканты были одеты в

чёрное. В конце концов, такое бывает не редко. А в том, как они были сосредоточены и погружены в себя. Публика почувствовала напряжение оркестра, не поняла, с чем это было связано, но чутко отреагировала. «Это хорошо!», – подумала Белла. Есть надежда, что резкое изменение программы не закончится скандалом, и в зале в конце отделения она останется не одна.

Тео вышел на сцену широкими шагами, как только музыканты закончили настройку инструментов. Оркестранты встретили его стоя. Тео встал на дирижёрский подиум лицом к оркестру. Сложил в молитвенном жесте руки. Постоял так несколько мгновений и медленно повернулся к залу, отчётливо выхватив взглядом из зала Беллу. Опёрся обеими руками на поручень подиума и произнёс по-австрийски:

– Ich beschloss, das Programm zu ändern. Heute wird es keinen Mahler mehr geben. Wer unser Programm nicht hören möchte, kann jederzeit den Saal verlassen und die Karte an der Abendkasse zurückgeben. Das Geld wird ihm vollständig zurückerstattet. Im ersten Teil wird die Liturgie «Lamented by the Wind» von Giya Kancheli aufgeführt. Dem Gedenken an meine Mutter gewidmet²⁶

(²⁶ – Я решил изменить программу. Сегодня не будет Малера. Тот, кто не захочет слушать нашу программу, может выйти из зала в любой момент и сдать билет в кассу. Деньги ему будут возвращены в полном объёме. В первом отделении прозвучит литургия Гии Канчели «Оплаканный вет-

ром». Посвящается памяти моей матери)

Белла не знала ни австрийского, ни схожего с ним немецкого языка, но прекрасно поняла, что сказал Тео, вычленив из его речи понятные слова – «программа», «Малер», «касса», «Канчели». И «мама» – слово, звучащее почти на всех языках Земли одинаково.

На словах о том, что «не будет Малера», по залу прошёл заметный холодок недовольства. Большая часть австрийской публики ходит на концерты с партитурой и внимательно следит за тем, насколько интерпретация дирижёра соответствует задумке композитора. Откуда они могут её знать, скажите на милость?

А Тео, между тем, резко развернулся к оркестру. Оркестр сел на свои места и Тео взмахнул дирижёрской палочкой. На слушателей обрушился мощный, терзающий слух, аккорд фортепиано. Зал ошутимо вздрогнул. Аккорд долго затихал в установившейся тишине. И только когда полностью затих, своё царапающее душу соло начал альт...

Краем зрения Белла зацепила хождение в зале. Самые нетерпеливые и недовольные уже встали со своих мест и начали пробираться к выходу. Но остановились в нерешительности около выходов, услышав нежную и печальную мелодию, с которой вступил оркестр. Что происходило дальше в зале, Белла уже не замечала. Оркестр так играл... так выкладывался... так *жил* горем своего дирижёра, так переживал за него, что полностью затянул её в омут музыки...

Последняя нота Литургии растаяла в вышине. Тео застыл, с поднятыми вверх руками. Замерли оркестранты в тех позах, в которых их застало окончание музыки. Зал, казалось, не дышал.

Тео опустил руки и поклонился своему оркестру. Развернулся к зрителям. Оркестр за его спиной встал, как один. Тео поклонился слушателям и ушёл со сцены под грохот аплодисментов, от которых задрожали хрустальные люстры под потолком. На поклоны не вышел.

Белла набралась смелости посмотреть в зал. Казалось, он был заполнен до отказа. То ли ушедшие вернулись на свои места, то ли их было так мало, что их отсутствие было не заметно.

Пробираясь среди заполнившей фойе публики, Белла заметила множество людей с перевернутыми лицами, со слезами на глазах. Мужчин. Женщин. Пожилых. Молодых. Она омыла и своё заплаканное лицо в туалете. Стало немного легче, но всё равно захотелось вырваться из здания на свежий воздух. На первом этаже увидела огромный хвост очереди, выстроившейся в окошко кассы. Удивилась. Подошла к началу очереди и спросила по-английски, надеясь, что её кто-нибудь поймёт, – за чем они стоят? Ей ответила девушка – надеются купить билет, который сдадут в кассу. «А та-

ких было много, кто сдал?», – любопытствовала Белла. «Несколько человек», – ответили ей. «Прекрасно! – подумала Белла, – Хотя бы платить за репутационные потери и возвращенные билеты не придётся».

На площади перед театром оказалось неожиданно много народа. Сколько из них было слушателей из зала, также как и Белла вышедших подышать свежим воздухом, а сколько тех, кто смотрел прямую видеотрансляцию концерта на огромном экране, было не понятно.

Прозвучал первый звонок, приглашающий публику вернуться в зал, и масса людей потекла обратно в здание. Белла отправилась вместе с ними, забыв, что у неё нет билета. Её не пропустили. Объясниться не получилось. Её не поняли. Белла выбралась из толпы и пошла к служебному входу, где заходила в здание вместе с Тео и оркестром. Дверь оказалась закрыта, и на стук никто не вышел. Звонить Тео или Василию не стала – им сейчас не до неё. А герр Краусс на её звонок не ответил. И Белла вернулась на площадь. Ну, что ж, придётся слушать второе отделение онлайн.

Вся площадь оказалась запружена народом. В основном, молодежью. Белла удивилась, ведь у нас классикой интересуются преимущественно люди старшего поколения. Несколько десятков стульев были, конечно, заняты. На некоторых даже сидело по двое. Люди постарше и поопытнее сидели на принесённых из дома раскладных стульчиках. Молодежь уселась прямо на асфальт перед стульями, а остальные стоя-

ли по бокам или за стульями.

Третий звонок Белла, видимо, пробежала, пока искала способы попасть в зал, поскольку оркестр уже сидел на сцене. Тео ещё не вышел. И тут у Беллы зазвонил телефон. Она обрадовалась, решив, что это перезванивает Клеменс Краусс, и она, всё-таки, попадёт в зал. Но звонил Тео.

– Ты где?

– Я на улице. Меня не пустили контролеры. И служебный вход закрыт. Послушаю на улице.

– Нет! Подходи к служебному, тебе откроют.

Едва Белла заняла своё место в ложе, Тео вышел на сцену. Опять облокотился на поручень подиума и объявил:

– Schostakowitsch. Siebte Symphonie. „Leningrad“. Dies ist ein heroisches Werk, eine Widmung an die Heldenstadt Leningrad und die heroische Widerstandsfähigkeit der Menschen, die inhaftiert waren. Die Entscheidung, von den sterbenden Menschen dieser Stadt eine Befreiungsbotschaft an den Rest der Welt zu senden, ist erstaunlich. Stellen Sie sich vor, Ihre tägliche Nahrung besteht aus zweihundertfünfzig Gramm Brot. Alle! Und dieses Brot besteht aus Roggenmehl, Nahrungszellulose, Baumwollkuchen, Maismehl und Tapetenstaub... Und so achthundertzweiundsiebzig Tage Blockade. Schostakowitsch schrieb die Symphonie während des Zweiten Weltkriegs im zweiundvierzigsten Jahr im belagerten Leningrad. Die Nazis bombardierten die Stadt jeden Tag und umzingelten sie. Sie standen sich sehr nahe. Und dann stellten sie

Lautsprecher mit Musik auf, damit sie sie hören konnten. Und einige von ihnen sagten: «Wir dachten, sie wären schon tot, und sie spielten moderne klassische Musik»²⁷.

(²⁷ – Шостакович. 7-я симфония. «Ленинградская». Это – героическое произведение, посвящение городу-герою Ленинграду и героической стойкости людей, оказавшихся в заочении. Решение послать освободительное сообщение всему остальному миру от умирающих людей этого города – это потрясающе. Представьте себе, что вся ваша еда в день – это 250 грамм хлеба. Всё! И хлеб этот состоит из ржаной муки, пищевой целлюлозы, хлопкового жмыха, кукурузной муки и обойной пыли... И так 872 дня блокады. Шостакович написал Симфонию во время Второй Мировой войны в 42-м году, находясь в блокадном Ленинграде. Фашисты бомбили город каждый день, окружили его. Они были очень близко. А тут им поставили громкоговорители с музыкой, чтобы они слышали её. И некоторые из них говорили: «Мы думали, они уже мертвы, а они играли современную классическую музыку»)

Из этой речи Белла поняла меньше слов. По несколько раз произнесённому «Ленинграду», словам «грамм» и «брот», которое с английского переводится, как «хлеб», и по-австрийски, очевидно, означает тоже самое, догадалась, что Тео рассказывает публике про блокаду города во время Великой Отечественной войны. Да ещё в конце уловила «классическая музыка»...

Через 3 часа после концерта Тео и Белла вылетели из Зальцбурга. Им предстоял путь в Грецию.

Через 2 месяца Белла успешно сдала экзамены и написала заявление о переводе на заочное отделение Университета.

Ещё через месяц все документы на перевод были оформлены, и Белла переехала к Тео в Краснодар.

В программе Ирины Глебовой «Арканиум»²⁸ на телеканале «Культура» всегда участвовали только талантливые, хорошо образованные, эрудированные люди. Она и сама была из их среды – интеллигентка в энном поколении, музыкальный продюсер, в прошлом, до травмы руки, солирующая виолончелистка. Свои беседы с выдающимися представителями мира музыки вела тактично, лишь слегка прикасаясь к разговору. Так казалось со стороны. А на самом деле аккуратно направляла его в нужное ей русло. Умела слушать собеседника, не перебивая его. И, конечно, скрупулёзно готовилась к каждому интервью.

Сегодняшний её гость, дирижёр Теодор Голованов-Галанис, выбивался из ряда выдающихся людей, которые побывали на программе Ирины. Потому что лично она считала

его гением. Никому эту точку зрения не навязывала, и даже никогда не высказывала её вслух, но была твердо в ней убеждена. А ещё Теодор, как никто другой, соответствовал названию передачи, был человеком загадочным, в чём-то мистическим, как будто приехавшим в Россию не из другой страны, а прилетевшим с другой планеты.

Три года назад, сразу после его триумфального выступления с оркестром в Вене, Ирина уже брала у него интервью. Тогда у неё сложилось о нём мнение, как о человеке бесконечно талантливым, но очень одиноком, с какой-то тяжестью в душе, терзаемом своими внутренними демонами. К какому другому мнению она могла прийти, услышав от него, что «чувствовать то, что я чувствую, дирижируя, и быть искренним при этом, это словно каждый день резать себе вены»? Или такое: «Я настолько углубляюсь в музыку, что боюсь сойти с ума. Погружаюсь в транс, попадаю в какое-то неисследованное пространство, и оно пугает меня...». Ирине так стало больно за него, как за сына, ведь по возрасту именно в сыновья он ей и годился.

Ирина никогда не позволяла себе задавать человеку, интервью у которого брала, вопросы о его личной жизни, но ответы Теодора у других-то интервьюеров слышала. А там он жаловался, что ему даже иногда снится, что у него есть семья, жена, дети. И что он живёт обычной жизнью обычного человека, о которой он ничего не знает. И нет женщины, которая ждала бы его дома... *«Я бы хотел представить се-*

бя в гармонии с женщиной, которой я мог бы посмотреть в глаза и знать, что я могу посвятить ей себя всего, без желания находиться где-то ещё, только здесь, рядом, чтобы я смог встретиться, наконец, со своими ожиданиями и не чувствовать себя таким одиноким дураком...»

Но, кажется, в последнее время что-то сдвинулось в жизни Теодора. Появились слухи, о том, что он уже не одинок. А в одном из недавних интервью он уже жаловался на другое – что не может продолжать работу над «Сумрачной» симфонией, которую пишет уже несколько лет, но не потому, что не хватает времени из-за концертной деятельности, а потому что в его душе сейчас поют ангелы, а не демоны сумрака.

А ещё были сведения, добытые её съёмочной группой при подготовке к программе. Будто бы кто-то видел *собственными глазами*, как он часто кружится с какой-то девушкой в вальсе на своём приусадебном участке загородного дома, *не касаясь* дорожки ногами. И поднимаются они всё выше и выше. А ещё светятся... Ирина после первой беседы с Теодором тоже чувствовала себя воспарившей над землёй, но, всё-таки, это были внутренние ощущения, а не реальный полёт.

Ещё у него появился арт-директор. Женского пола. Теперь вся его концертная деятельность ведётся через неё. И не только концертная, но и об интервью с ним пришлось договариваться не на прямую, а с ней. А ещё, наконец-то, появился свой собственный сайт, а не поделки его фанатов. И странички в соцсетях. Может быть, кружащаяся в вальсе де-

вушка и его новоиспечённый арт-директор, это одно и то же лицо, благодаря которому в его душе поют ангелы? Дай-то Бог!

Ирина радовалась за Теодора, но хотела убедиться вочию. Именно это подвигло её на второе интервью. Нет, она не будет спрашивать его в лоб, а лишь будет стараться угадать его состояние по глазам, по улыбке, по глубинному подтексту его ответов на тему музыки.

²⁸ – термин из религиозной практики древних римлян, означавший секретные дела, о которых нельзя было говорить, закрытые и недоступные для людей, в них не посвящённых. Синоним к словам «загадка», «тайна» (*из Википедии*)

22

– Здравствуйте, Теодор! Я очень рада видеть Вас снова в программе «Арканиум».

– Здравствуйте!

– В прошлый раз мы виделись с Вами сразу после Вашего триумфального выступления на Международном фестивале старинной музыки Resonanzen в Вене. Прошло уже три года, Вы стали его постоянным гостем. Гостем желанным. И не только там, но и во всем мире. Поделитесь с нашими зрителями, пожалуйста, тем, чем для Вас стали эти прошедшие

три года.

– Прежде всего, я ещё раз убедился, что фестивали – это самый лучший формат для музыки. Не конкурсы. Особенно для дирижёров. Как можно понять, кто лучший из дирижёров за десять минут? Музыка – это не спорт. На фестивалях люди слышат множество произведений, оркестров, солистов. Отбирают для себя то, что им ближе, то, что их потрясло. И дальше уже идут на концерты этих конкретных исполнителей. Само время выбирает, а не несколько членов жюри, пусть и профессионалов.

– Так же, как и три года назад, Вы выступаете со своим оркестром, созданным в Краснодаре. И теперь весь мир, по крайней мере, интересующийся музыкой, знает в нашей стране не только Москву и Санкт-Петербург, но и Краснодар. Нет ли у Вас ощущения, что Вы, как артист, переросли рамки этого провинциального города?

– Что касается Краснодара... Вообще в мире существуют два города, отличные от всего остального. Санкт-Петербург – утопический город, город-декорация, город-театр. И Афины. Афины даже не город, а место силы, где сосредоточена большая энергия. Невозможно выразить словами, можно только почувствовать, почему там начались и театр, и музыка, и философия, и поэзия. В Краснодаре у меня тоже есть маленький уголок, где я черпаю силы, – и добавил с лукавством во взгляде, задорно улыбнувшись, – Не важно, где ты живёшь, важно – с кем.

– Зрители за границей и в России, они одинаковые? Или разные? Кто Ваш идеальный зритель?

– Зрители не делятся, для меня, по крайней мере, на страны и континенты. На столичного и провинциального. Конечно, искушенный зритель даёт артисту возможность к развитию, к совершенствованию. Но мне никогда ничего не давалось в готовом виде. Я сам создаю мир, в котором живу, который творю. Я сам воспитываю своего зрителя. Потому что счастье и любовь это тот мир, который можно создать только самому. Не продают любовь в супермаркетах. Счастье это когда рядом есть кто-то, кто чувствует музыку также, как чувствую её я внутри себя. Абсолютное совпадение, при котором распахиваются двери, исчезают потолки... И я могу взять её за руку и провести на ту сторону, в маленькое зазеркалье рая. Находиться там вместе и вместе слышать ангелов – вот что такое счастье.

Теодор не заметил, как перескочил в ответе со «зрителя» на, явно, кого-то конкретного, земного. На женщину. Но Ирина не стала акцентировать на этом внимание.

– В одном из своих интервью Вы жаловались, что постоянно идёт борьба с графиком Ваших выступлений, расписанием на несколько лет вперед. И что Вы мечтаете о том времени, когда не будете связаны какой-то конкретной программой, а будете исполнять то, что соответствует Вашему внутреннему состоянию в конкретный момент, в этом городе, в этом зале. Что-то изменилось в данном вопросе за про-

шедшие три года?

– Изменилось, – улыбнулся Теодор, – График теперь на четыре года вперёд.

Они с Ириной синхронно рассмеялись, и Теодор продолжил:

– Но! У меня уже было несколько раз, когда я менял программу концерта в последний момент. Так что, всё-таки, кое-что изменилось.

– Как отнеслись Ваши оркестранты к такой непредсказуемости?

– Я не самодур какой-то, не маэстро где-то там наверху, а вы мусор у меня под ногами. Я обязательно им объясняю, почему я так хочу сделать, а не иначе. Они все профессионалы экстра-класса. Они так меня понимают, что могут начинать делать то, что я ещё только *подумал*, но ещё не сказал и не показал. Ведь даже во время исполнения произведения, которое стоит в концерте, которое мы уже играли сто раз, они чувствуют мою энергию, которую я на них проецирую, чувствуют мой спонтанный замысел, возникший сиюминутно, только сейчас. Потому что меня тоже качает энергия. Она может мне что-то новое предлагать. И я улетаю в какие-то пространства неизвестные. Я как будто впервые вижу это. Вижу очень странные картины. Воздушные пространства моего воображения. Иду в очень странные отношения... Всё в жизни энергия. Любовники, которые занимаются сексом, какой энергией они делятся?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что Ирина немного растерялась. Какие логические цепочки выстроились в мозгу Теодора, что в разговор о музыке, вдруг, вклинилась тема взаимоотношений мужчины и женщины? Попыталась ответить:

– Это зависит от того, наверное, чем они делятся друг с другом. Что готов отдать он, а что она.

– Я спрашивал «какой» энергией. И вообще, этот вопрос риторический...

Ирина попыталась вернуть интервью в русло музыки:

– В связи с Вашей загруженностью, остаётся ли у Вас время на написание собственной музыки?

– С этим по-прежнему проблема. Пишу с препятствиями. Кроме того, сейчас изменилось моё восприятие мира, и поэтому не могу закончить то, что почти закончил. Начал писать другое произведение. Моё написание музыки отражается на дирижировании другими произведениями. Моя задача, как дирижёра, не просто тупо выполнять то, что написано – пиано, форте, крещендо²⁹, а понять, что композитор хотел сказать, вытащить на поверхность глубинные пласты его замысла, его мыслей, его чувств.

– Поэтому так кардинально изменилась Ваша трактовка Шестой симфонии Малера – с мрачного восприятия жизни без малейшей иллюзии на всепоглощающий гимн любви?

– Да! – заулыбался Теодор.

Заулыбался так солнечно, что осветилась вся студия. Так

показалось Ирине. Нет! Вовсе не показалось! Он, действительно, был сегодня другой. Светился изнутри. Чаше улыбался. Открыто, широко наружу. И тепло и нежно внутрь себя. Будто лелеял в глубине своего сердца что-то небольшое, но очень важное для себя, родное. И не было щемящего ощущения его одиночества. Дай-то Бог! Дай-то Бог!

– Музыка может заменить общение с людьми?

– Общение с людьми и любовь человека к человеку незаменимы. Но общение с музыкой тоже незаменимо. Это просто другой вид общения. Через чувства. Но чувства – это черная дыра, в которую тебя засасывает. Чтобы не исчезнуть и не раствориться в этой черной дыре, нужен контроль, иначе ты потеряешь меру.

– То есть искусство – это всегда процесс хождения по краю черной дыры, по краю безумия?

– Да. Я хожу по самому-самому краю пропасти. Еще чуть-чуть – и сорвусь. Но так не только в искусстве. Влюбленность, например, – это тоже грань безумия. Это тоже ненормальность, что, когда ты влюблен, то готов умереть за другого человека.

– В прошлый раз я задала Вам такой вопрос: «Бойтесь ли Вы чего-нибудь?» Я помню Ваш ответ: «Да, боюсь! Боюсь себя. И боюсь Бога». Сегодня как бы Вы ответили на этот вопрос?

Теодор задумался и, как показалось Ирине, погрузился. После паузы ответил:

– Также. Боюсь Бога. Боюсь себя... Очень себя боюсь... Боюсь потерять её...

«Её» – музыку, «её» – любовь, «её» – женщину – осталось за скобками программы. Пусть каждый зритель решает за себя. На прощание Ирина сказала:

– Теодор, я очень благодарна Вам за это интервью. Оно получилось красивым, искренним, ярким. Я надеюсь, что перед каждым, кто его увидит, откроются новые горизонты, где есть музыка и любовь.

– Спасибо!

И уже после выключения камер не выдержала, спросила:

– Теодор, Вы счастливы?

– Да, – коротко ответил он и улыбнулся так, что у Ирины кольнуло в сердце. Повторил твёрдо, – Да!

²⁹ – тихо, громко, постепенное увеличение

23

– Максим Витальевич! К вам арт-директор дирижера Теодора Голованова-Галанис – Белла Светлова. Примите сейчас или пусть подождёт?

Секретарь у заместителя начальника Управления культуры Краснодара, Максима Витальевича Прилучного, была новенькой, а потому каждый раз старательно сообщала не только фамилию пришедшего посетителя, но и полную инфор-

мацию о нём. Бывшая секретарша, Маринка, сказала бы за- просто: «К Вам Белла». Поскольку Белла, она одна в Крас- нодаре, да и во всём Краснодарском крае тоже. И вопрос: «Примите или пусть подождёт?» не задавала бы, поскольку знала, или, скажем так, догадывалась, что начальник к Белле неровно дышит, а потому примет тут же, и не важно – подо- шёл ли его рабочий день к концу или, как сейчас, наступило время обеденного перерыва.

– Пусть заходит! – ответил начальник.

Белла зашла в кабинет не одна, а с девушкой. Представила её:

– Максим Витальевич! Разрешите Вам рекомендовать но- вого арт-директора Теодора – Анастасию Аркадину. Наде- юсь, что Ваше сотрудничество с ней будет таким же плодот- творным, как и у нас с Вами. Извините, что ворвались так неожиданно, без записи. Анастасия вступает в должность с понедельника. Меня уже не будет в это время в Краснодаре. А мне хотелось самой Вам её представить.

– Очень приятно, Анастасия! Поработаем вместе. Сейчас мне некогда, – произнёс Максим Витальевич и демонстра- тивно посмотрел на часы, – Поговорим позже. Запишитесь на приём у моего секретаря. Познакомимся, так сказать, по- ближе.

– Спасибо, Максим Витальевич! – тепло улыбнулась Бел- ла.

Анастасия так ничего и не сказала. Тонко улыбнулась.

Развернулась и пошла к двери. А вот Беллу Максим Витальевич остановил:

– Белла, задержитесь на минутку. У меня к Вам есть вопрос по репертуару Филармонии... Сядь!

(Когда они оставались вдвоём, Максим Витальевич обращался к Белле запросто, на «ты». И не только в силу своего должностного положения, но и в силу разницы в возрасте. Он был почти на тридцать лет её старше)

Белла покорно села и застыла на стуле. А Макс не знал, что сказать. Оставил Беллу в кабинете спонтанно, подавшись эмоциям. Белла сама на себя была не похожа. Бледная, погасшая. Хоть и улыбалась, но улыбка была какая-то приклеенная, не настоящая. Макс сначала решил, что Белла только показалась ему такой на фоне чересчур яркой, эффектной Анастасии, но, когда, Белла осталась одна в кабинете, стало ещё более очевидно, что с Беллой творится что-то не то.

Ещё тогда, год назад, когда также, как сегодня, в его кабинет ворвался Теодор Голованов-Галанис, (ох, уж, эти знаменитости мирового масштаба, им кажется, что двери любых кабинетов должны быть открыты перед ними настежь в любое время!), чтобы представить своего арт-директора Беллу Светлову, Макс поразился тому свету, который исходил от неё.

Они оба светились, особенно, когда их взгляды встречались. Белла светилась открыто, радостно. Как театральный

прожектор. Теодор более сдержанно. Но очень тепло. Макс им тогда даже позавидовал. Сам он в то время находился в процессе мучительного развода. Сильно переживал, что это отрицательно отразится на его карьере, а потому это свечение поначалу вызвало даже раздражение. А после окончания короткого разговора поймал себя на том, что сидит и улыбается без причины. Такое действие Белла оказывала на всех. Своим мягким характером. Своей жизнерадостностью. Своей тактичностью. Своей душевной теплотой. Делала людей, слегка соприкоснувшихся с ней, хоть чуточку, но счастливее.

Макс смотрел на поникшую Беллу, изо всех сил старающуюся выглядеть как всегда, и не знал, с чего начать. Имеет ли он вообще право спрашивать её о чём-то? Но и оставить её в таком состоянии не мог. Спросил хрипло:

– Ты обедала? У меня обеденный перерыв. Составишь компанию?

Заказ в ресторане сделали быстро. Макс обедал в нём каждый день после развода с женой, и меню знал наизусть. А Белле было всё равно, что есть. Так что Макс свой заказ просто удвоил и прибавил десерт для Беллы.

– Куда уезжаешь?

– В Москву.

– Надолго?

– Насовсем.

– Как это? Почему? – растерялся Макс, не ожидавший таких прямых ответов и совершенно забывший, что ещё

несколько минут назад сомневался в своём праве задавать личные вопросы.

– Мы расстались с Теодором. Я возвращаюсь в Москву.

Белла отвечала так, будто была под гипнозом, как сомнамбула. Макс, почему-то, испугался за неё. А ещё его так и тянуло задать вопрос: «Ты его разлюбила?», чтобы, воспользовавшись ситуацией, получить честный ответ, желательно положительный.

– Я вас видел неделю назад на открытии фестиваля. Так резко не бывает...

Макс верил, что влюбиться можно с первого взгляда, загореться страстью за секунды, но знал по собственному опыту, что охлаждение чувств происходит постепенно. Медленно и незаметно. И занимает много времени, пока осознаешь, что рядом с тобой чужой человек, к губам которой не хочется прильнуть, до тела которой не хочется дотронуться, даже если секса уже давно не было. С ней не о чем говорить. Тебе не важно, что у неё на душе. Во что она одета. И тебе всё равно, если кто-то из мужчин заинтересованно посмотрел в её сторону.

– Бывает, – скривила губы Белла, готовая заплакать, но справилась с собой, – Любовью и счастьем, оказывается, тоже можно пресытиться... Творческому человеку нужны потрясения, переживания, чтобы творить.

– Кто она? – почему-то разозлился Макс, – Эта профурсетка, которую ты привела сегодня?

– Не надо так, Максим Витальевич! Настя не профурсетка...

Настя воспринималась Беллой как старая знакомая. Не в смысле возраста, а в смысле годичной давности их знакомства. Белла испытывала к ней огромное чувство благодарности. Ведь, если бы, не столкновение с ней, как бы Белла познакомилась с Тео? Поэтому, когда они нечаянно встретились в Краснодаре, Белла очень обрадовалась. Да и Настя тоже.

Белла сама привела Настю в их с Тео дом. Они втроём весело провели время, вспоминая тот Благотворительный бал, который стал для Беллы и Тео судьбоносным, а для Насти проходным. Она ведь так и не дошла до Большого зала Консерватории, к классической музыке так и не приобщилась. Перед зданием чуть не попала под машину, не уступившую ей дорогу на нерегулируемом переходе. Недовольный владелец авто высунулся из окна, чтобы накричать на неуклюжего пешехода, но увидев красивую девушку удержал свой пыл и переиграл ситуацию в знакомство, закончившееся небольшой интрижкой. Их души это не затронуло. Тела получили удовольствия. Сердца у обоих при расставании не разбились.

Настя с интересом посматривала на Теодора – свою не состоявшуюся «судьбу», от которой добровольно сбежала. Даже пошутила на эту тему. Белле бы ещё тогда насторожиться. А она, упоённая своим нескончаемым, как ей тогда казалось, счастьем, не обратила внимания...

Настя задержалась в Краснодаре, согласившись на любезное предложение хозяев погостить в их доме. Их сближение, Насти и Тео, Белла не заметила. И только когда Тео сказал, что Настя остаётся, и отныне они будут жить втроём, и не только в смысле проживания под одной крышей, но как семья, как муж с женой, вернее, теперь уже с двумя жёнами, у Беллы открылись глаза. И то не сразу. Она не поверила. Это абсурдное предложение не укладывалось в её голове. Чушь, дикость, бред какой-то! Одно Белла поняла – её разлюбили. Хотя Тео убеждал в обратном. Даже на коленях перед ней стоял. Просил, чтобы она отнеслась к ситуации, как к приобретению нового сексуального опыта.

Белла ушла из дома. Из дома, который уже считала своим. Тео звонил, искал встречи, уговаривал. Но настаивал на своём. Белла поняла, что надо уехать, исчезнуть, порвать всё окончательно. Но не могла всё бросить, не передав обязанности арт-директора кому-нибудь. Передавать пришлось Насте... На прощание Тео сказал, что никуда Белла от него не денется, не сможет полюбить другого, вернётся...

– Да ладно тебе! Таких, как ты, одна на миллион. А таких, как она, – тысячи тысяч!

– Пожалуйста, Максим Витальевич! – умоляюще воскликнула Белла и даже накрыла своей рукой руку Макса, – Теодор – гений. Он просто полюбил другую. Разве сердцу прикажешь? Надеюсь, это не отразится на работе с Теодором. Пожалуйста, я Вас прошу!

– Если *ты* просишь, – со значением произнёс Макс, но Белла, похоже, внимания на это не обратила. Вспышка её эмоций закончилась, и она опять ушла в себя.

Макс и не собирался заниматься мщением. Какое ему дело до Теодора Галаниса и его морального облика? Да никакого! Кроме того, работа – одно, а личная жизнь – другое. Гораздо интереснее что знак – соглашаться или нет ему на перевод в Москву, пришел к нему таким образом.

Над переводом в Москву Максиму Витальевичу разрешили подумать в течение недели. Срок подходил к концу, но Макс ещё колебался – в Краснодаре он был почти царь с близкой перспективой стать царём без «почти», а в Москве будет десятой спицей в пятом колесе, с перспективой, конечно, но ого-го какой далекой. А с другой стороны... В его пятьдесят это последний шанс круто изменить судьбу.

– Пообещай, что мы встретимся в Москве, – сказал Макс, удерживая руку Беллы.

Та кивнула головой.

24

Через два дня Макс получил от Беллы смс с новым номером её телефона.

Наша бюрократическая машина работает не спеша, и перевод Максима Витальевича Прилучного в Москву состоялся только через три месяца.

А ещё через неделю Белла и Макс встретились.

Хотелось постоянно реветь. Но не от того, что её разлюбили, а от жалости к себе, что большая любовь не состоялась... Что горше – плакать о том, что потерял и больше никогда не найдешь? Ну, не случится больше такая любовь, потому что такого человека, как он, больше нет на белом свете. Или горевать о том, чего не было, что представлялось только в мечтах, но так и не произошло? А у тебя было... Даже не так... Это как смерть. Мы живём, стараясь о ней не думать, потому что, когда допускаем до сердца мысль о неизбежном, охватывает такой ужас... такой... не описать словами...

А тело ещё помнит ощущение счастья жизни. Вот оно, счастье, лежит рядом, горячее, глубоко дышит. В ушах ещё слышится его мерное дыхание. А в носу стоит его запах. А глаза помнят чуть-чуть приоткрытые губы... Так хочется к ним прикоснуться... Но стоит лишь пошевелиться, как он протестующее замычит... обхватит руками... крепко прижмёт к горячему телу – Моё! Не уходи! Не отпускаю!.. А потом накатывает неизбежность уже случившегося. Ты одна. Его нет рядом. Ты больше ему не нужна. Отпустил... Охватывает такой ужас... такой... не описать словами...

Сама виновата – надо было частичку оставлять для себя, не отдавать себя полностью, чтобы не выжгло вот так, дотла. Но об этом уже можно рассуждать лишь потом. А когда лю-

бишь – просто действуешь так, как чувствуешь.

Без Тео Белла жила, как во сне. Не та, потерянная любовь, ушедшая, была сном, а сегодняшнее её существование. Потому что каждый день был сегодня. Один и тот же день – сегодня. Не важно, какой был день недели, какое число, не важно, какого месяца. Просто сегодня. Повторялся и повторялся. Как День сурка.

Белла ни с кем не хотела говорить. Да никто и не знал нового номера её телефона, кроме мамы и бабушки. Но и с ними Белла говорить не хотела. О чем? Они очень за неё переживали. Пытались сказать, что время залечит раны, надо собраться. Надо жить дальше. И всё в том же духе. Бла-бла-бла. Бла-бла-бла. Бесполезные, пустые слова... Чем могут помочь те, кто не любил? Не любил так, как Белла. Не был любим таким, как Тео? Разве можно найти слова, чтобы описать, чтобы прочувствовать? Тот, кто не пьянел от божественного вина, никогда не ощутит его вкус на своём языке, пока сам не попробует...

И с работой у Беллы не ладилось. Кому нужен юрист с образованием, но без опыта работы? Если бы ещё она включила своё обаяние, своё жизнелюбие, свою улыбку... Но ей было всё равно. А, если соискателю работы всё равно, то, уж, потенциальному работодателю и вовсе наплевать. Белла потолкалась-потолкалась и смирилась. И хорошо...

Дома было хорошо. Время пролетало не заметно. Проснулась, умылась, села в кресло, вот уже и вечер. А там и спать

пора. На улицу совсем не тянуло, не то чтобы с кем-то встретиться. Но Максима Витальевича Белла проигнорировать не могла. Пришлось поднимать свою задницу и тащиться в ресторан. А перед этим ещё и красоту на лицо наводить, платье выбирать... А они все, вдруг, оказались велики, болтались на ней, как на вешалке. Хорошо хоть туфли были по ноге.

Белла так устала, пока собиралась на встречу, что впору было взять недельный отпуск после сборов. С недоумением подумала – как же она вставала каждый день в шесть утра, чтобы привести и себя в порядок, и завтрак Тео приготовить? И ни капельки не уставала. Наоборот, была полна жизненной энергией, которая звенела в её жилах. Так отчётливо звенела, что Белла не только её ощущала, но и слышала её музыку...

На встречу с Максом пришла не Белла, а её тень. «Болеет? – подумал Макс, – Или так переживает из-за расставания? Не может быть, три месяца уже прошло...»

С этой потухшей, потерянной Беллой было непонятно о чем разговаривать. Впрочем, тишина, повисшая за столом, её, кажется, не напрягала. Она молча ковыряла в тарелке салат и ни один листочек не донесла до рта.

– Не вкусно? – прервал молчание Макс.

– А? – вскинулась Белла и с удивлением посмотрела на Максима Витальевича, как будто только что его увидела.

– Не нравится? – переспросил он, – Закажем что-нибудь

другое?

– Нет... Да... Всё нормально... – ответила Белла и опять опустила голову.

«Нет! Так не пойдёт!», – возмутился Макс. Ещё не было случая, чтобы женщина так равнодушно реагировала на него. И он исполнился решимости вывести Беллу из апатии.

– А вообще – как дела?

– Нормально...

– Нормально, это как? Чем занимаешься?

– Ничем...

– Ничем? Дома сидишь, что ли?

– Дома...

– Решила отдохнуть или работу не нашла?

– Не нашла...

«И долго это эхо будет продолжаться? Интересно, если бы последним словом было «отдохнуть», она также ответила?»

– А на что живёшь?

Тут Белла задумалась – а, действительно, на какие шиши она живёт? Ни к какому выводу не пришла. В голове было пусто. И она почти сразу забыла – над чем же она задумалась?

26

Мама и бабушка, всё-таки, оказались правы – время лечит. Прошёл ещё месяц, и Белла начала приходить в себя.

Время и работа – вот те два доктора, которые вытягивали её из омута депрессии.

На работу помог устроиться Максим Витальевич. Должность Беллы звучала очень длинно и на её взгляд смешно – государственный инспектор в области охраны окружающей среды в парках Южного административного округа города Москвы. Странно было получать зарплату за то, что гуляешь по паркам и глазеешь по сторонам.

После многодневного прозябания в четырех стенах Белле было трудно заставлять себя выходить на улицу. Но потом втянулась. Оказывается, осень в Москве была такой красивой, разноцветной. А в парках особенно. Раньше Белла этого не замечала. Или забыла. Среди деревьев пахло свежестью, дождём, чем-то пряным. Светлой грустью пахло. Но не горем, нет, не горем. Тело становилось легким, как будто постепенно очищалось от тяжести воспоминаний.

Что ещё очень нравилось Белле в её новой работе – это свободный график. Не надо было вставать по будильнику. И с работы уходить по звонку. А в плохую погоду можно было вообще не выходить из дома, а засесть за компьютер, чтобы сделать отчёт.

Через некоторое время ещё прибавилось ощущение полезности того, чем она занимается. Это когда видела отремонтированную детскую площадку или очищенную от упавших деревьев тропинку. То, что было сделано благодаря её внимательному взгляду.

Поэтому Белла ещё раз позвонила Максиму Витальевичу, чтобы поблагодарить его за устройство её на работу. Она уже поблагодарила его за это, тогда, сразу. Но в тот момент благодарность была чистой формальностью, а сейчас – искренней, от души.

27

Ранняя любовь... Поздняя любовь... Кто определил возраст, когда любить ещё рано или уже поздно? «Ты слишком молод, чтобы даже думать о любви!» «Я слишком стара, чтобы мечтать о любви, стыдно ведь уже в мои годы...»

Ни о чём таком в свои 50 Макс не думал, также, как и не думал о разнице в 27 лет с Беллой. О том, что она годится ему в дочери. О том, как будет смотреться его седина и начинающее стареть и оплывать жирком тело рядом с её молодостью. Просто увидел, как она похорошела с тех пор, как они не виделись, как зарумянились щёки от работы на воздухе, как загорелись глаза. Она почти вернулась к тому состоянию, в котором была, когда они познакомились, что сразу отразилось в заинтересованных взглядах мужчин, провожающих её летящую походку. И понял – надо брать быка за рога, пока не увели.

– Выходи за меня замуж!

Белла растерялась. Замерла. Совершенно не ожидала услышать такое предложение. Она ещё толком не привыкла

называть Максима Витальевича просто по имени, говорить ему «ты», и тут так сразу... А он смотрит так спокойно, будто предложил сходить в кино, а не изменить судьбу. Ответила, кусая губы, боясь обидеть. Но честно:

– Но я... тебя не люблю... И обещать, что полюблю, не могу... Прости...

– Я знаю. Давай просто будем вместе. Не надо обещаний. Я не буду требовать от тебя невозможного. Но я буду верить и ждать возможного. Ты просто будешь у меня, а я – у тебя. Давай просто будем друг у друга. Подумай над этим.

Как Максим смог так подобрать слова, откуда, из каких глубин сердца вытащить, или прочитал где-то и запомнил, но они потрясли Беллу. Не отпускали. Мужчина предложил надёжную опору в жизни, ничего не требуя взамен, много ли найдётся в мире женщин, чтобы отказаться от такого предложения? Браки заключаются и по более зыбким основаниям. А у них с Максимом, по крайней мере, есть взаимное уважение. А любовь... Что ж, любовь у неё уже была...

28

Через три дня Белла переехала в квартиру Макса.

Через месяц они тихо расписались в районном ЗАГСе и скромно посидели за праздничным столом вместе с мамой и бабушкой Беллы. На такой простой церемонии настояла невеста. Жених не возражал. Так же, как и не возражал тому,

что Белла осталась под своей девичьей фамилией.

Через неделю молодожёны отправились в медовый месяц. «Месяц» состоял всего из четырёх дней – оба недавно приступили к новой работе и не могли рассчитывать на полноценный отпуск, пришлось довольствоваться выходными днями вокруг праздника Народного единства. Так что, уехать куда-то далеко не получилось. Зато получилось сбежать из нахмуренной слякотной ноябрьской Москвы в солнечную и теплую осень Дагестана.

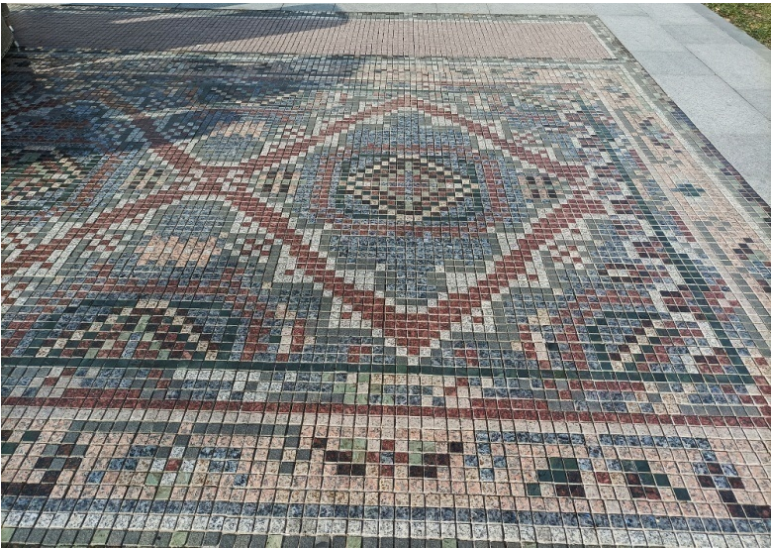
Всего 3 часа полета, и вот ты спускаешься по трапу самолета в аэропорту Махачкалы в лето. За бортом остались 0° столицы, сплошь затянутое тучами небо, неделями не прекращающийся дождь, разбавленный снежинками, а то и градом, первый выпавший снег, тут же растаявший, но успевший вызвать коллапс на дорогах и кучу аварий. А здесь светит солнце, на небе ни облачка, как в Египте, +23°. Везёт же некоторым! России везёт! В какой ещё стране мира можно за один день, ну, пусть, за два, побывать в лете, осени, зиме и весне?

Белла и Макс гуляли по площадям столицы Дагестана, выложенным разноцветной плиткой, будто устланными для дорогих гостей коврами. А вокруг благоухали розы и высаженные шарами мелкие хризантемы.

Наслаждались нежнейшим, тающим во рту шашлыком из баранины в этно-ресторане Джага²⁹ с панорамными окнами,

выходящими на пляж, где прекрасный вкус блюд усиливался
наиприятнейшими ощущениями от красоты внешнего вида
и внутреннего интерьера ресторана. А потом пытались раз-
грузиться, гуляя по широкому песчаному городскому пля-
жу и собирая коллекцию цветных ракушек. Забирались на
огромные валуны, чтобы сделать красивый снимок, и полос-
кали руки в прохладной воде Каспийского моря.

Несмотря на праздники, сумели попасть в Дагестанский музей изобразительных искусств, где, конечно же, были громкие имена русских художников – Айвазовский (наверное, в России нет музея, где бы не было хотя бы одной его картины), Поленов, Крамской, Маковский (спасибо Советской власти, не только позаботившейся о создании художественных музеев во всех областных городах России для просвещения народа, но и передавшей туда картины великих мастеров из запасников музеев обеих столиц – Москвы и Петербурга). Но, самое главное, великолепные изделия из се-

ребра со знаменитой на весь мир кубачинской чеканкой – оружие, боевые качества которого ценились выше булатной стали, и которое было ценным подарком, достойным русских царей, посуда, женские украшения.

А вот Национальный музей республики Дагестан оказался закрыт. Так что пришлось довольствоваться его внешним видом – свежееотреставрированными стенами, богато украшенными белоснежной лепниной на нежно-голубом небесном фоне.

Зато, в Джума-мечеть их так сердечно пригласили, как будто ждали именно их. Беллу даже в специальный халат обрядили, чтобы почувствовала себя, так сказать, полностью соответствующей этому святому религиозному месту. Максим рассматривал красоту мечети снизу, а Белла – с опоясывающего всё её пространство балкона.

1. Бюст из бронзы, 1940 г.
 2. Бюст из бронзы, 1940 г.
 3. Бюст из бронзы, 1940 г.
 4. Бюст из бронзы, 1940 г.
 5. Бюст из бронзы, 1940 г.
 6. Бюст из бронзы, 1940 г.
 7. Бюст из бронзы, 1940 г.
 8. Бюст из бронзы, 1940 г.
 9. Бюст из бронзы, 1940 г.
 10. Бюст из бронзы, 1940 г.

А ещё объедались хурмой – и свежей, и вяленой. Виноградом – и зелёным, и чёрным. Настоящими молочными продуктами со вкусом детства. Что говорить? Здесь даже обыкновенная картошка была такого чудесного вкуса, что просто пальчики оближешь. Словом, продукты было не сравнить с той химозой, которая лежит на полках магазинов в Москве.

Эх!..

²⁹ – адрес этно-ресторана Джага: Портовское шоссе 1/1, Махачкала

29

О концерте Тео в Москве Белла узнала из интернете. Знаете, ведь, как он работает? Стоит начать что-то искать, как он тут же подкидывает новости на интересующую тему. Даже на почту рассылки присылает, на которые сроду не подписывался.

Вот и здесь, на почту Беллы пришло письмо от Концертного зала им. П.И.Чайковского о том, что свой юбилейный, 80-й сезон зал открывает концертом Государственного оркестра Краснодарской краевой Филармонии под руководством Теодора Голованова-Галанис. В программе концерта: Густав Малер Симфония № 6 («Трагическая») и Симфония №9. Дирижёр – Т. Голованов-Галанис. И Белле загорелось пойти.

Чего она не ожидала, так это услышать категорическое «нет» мужа на просьбу достать приглашительные билеты на концерт. Сказано это было таким холодным тоном, что впрямую было обидеться. Белла даже растерялась. Почти год их семейной жизни не был омрачён не то чтобы ссорой, но даже малепусенькой размолвкой. Максим так трепетно, с лю-

бовью и нежностью к ней относился, буквально, пылинки сдувал, что Белла чувствовала себя укутанной мягким облаком. Она тоже его уважала, старалась выполнять на 5 с плюсом все обязанности жены. И в постели у них царила гармония. Оба были удовлетворены и доставляли удовольствие друг другу. А тут такое...

– Почему ты так грубо со мной разговариваешь? – обиделась Белла.

– Ты сама знаешь!

– Ничего я не знаю! И не понимаю! Не хочу гадать! Объяснись, пожалуйста!

– Хорошо! Я скажу прямо – ты хочешь *его* увидеть! Я – против!

– Так это ревность? Ты ревнуешь меня к Тео?! Мы полтора года как расстались и год женаты с тобой, разве я за это время давала тебе хоть один повод усомниться в моем отношении к тебе?

– А разве нет? Не успел он появиться, как ты тут же к нему поскакала.

– Нет! Я всегда была честна с тобой. Я сразу сказала, что не люблю тебя, и не обещала полюбить. Но то, что с моей стороны нет любви к тебе, не означает автоматически, что я всё ещё люблю его! Ты не можешь не чувствовать, как я ценю и дорожу нашими с тобой отношениями, нашей семьёй! А ты, ни с того, ни с сего, вдруг, ставишь всё под сомнение. И из-за чего? Из-за банальной просьбы жены сходить вместе

на концерт! Я думаю о Тео только как о гениальном дирижёре, звезде мирового уровня и поэтому хочу попасть на его концерт. Чтобы услышать красивую музыку в оригинальной, не избитой интерпретации...

Впервые за всё время совместной жизни супруги легли спать отдельно.

Белле не спалось. Рядом не хватало горячего тела мужа, его нежных объятий. Раздражение, которое накрыло её во время разговора с ним, постепенно отпустило, и в голову полезли совсем другие мысли.

Разве самое важное в отношениях мужчины и женщины любовь? Вот она у неё была. Взаимная. И трепет, и парение души, и сладость в сердце, и безумное счастье. И что? Закончилась любовь. Испарилась. Разве не самое важное в отношениях – чувствовать не страсть и желание, а заботу и уверенность? В том, что тебя ценят, что тебя не отпустят, что за тебя несут ответственность, что защитят от любых бед и просто хотят быть рядом. Разве не важнее ценность тех моментов, когда тебя просто заботливо и крепко обнимают? Секрет счастья – это внимание друг к другу. Счастье состоит из отдельных минут, из быстро забывающихся удовольствий от поцелуя, улыбки, доброго взгляда, сердечного комплимента и бесчисленных маленьких, но добрых мыслей.

Максу не спалось. Пружины дивана, на который он ушёл спать, нещадно давили на спину. Рядом не было горячего те-

ла жены. Её запаха. Ему было так плохо, так больно. Внутри образовалась большая пустота. А ещё выполз наружу страх. Страх потерять Беллу. Страх, который прочно засел где-то внутри него, потому что он чувствовал, понимал – она не принадлежит ему полностью. Сколько бы он ни старался, как бы он её ни любил, всё равно часть её навсегда принадлежит Тео.

Любовью можно *задержать* человека около себя, но *удержать* того, кто захочет уйти, все равно не получится. Нужно просто любить его. Того, кто рядом. *Пока* он рядом...

30

Утро было ужасным. Первым, кто пришёл Максу в голову, когда он проснулся, была Белла. В этом не было ничего необычного. Так было с тех пор, как они начали жить вместе. Ещё не до конца проснувшийся, едва разлепивший глаза, Макс тянулся к Белле, зарывался в её мягкие волосы, невольно целовал их, чтобы не разбудить, и на его лице расцветала улыбка. За улыбкой приходило осознание счастья. Сердце начинало громко стучать, разгоняя кровь, прогоняя остатки сна... Но в этот раз её не было рядом. Макс закрыл глаза и понял, что отчаянно хочет, чтобы она была здесь, с ним. И чтобы так было всегда. Одна её улыбка, один её взгляд, заменял ему целый мир. Для мира она, может и была всего лишь одним человеком. Одним из многих. Но для него она стала целым миром.

Главным для него было, что сейчас он рядом с ней. Ему этого было достаточно для счастья. Что такое брак? Определений много. Для кого-то брак это счастье, для кого-то – страдание. Но для него, как оказалось, счастливый брак – это забота о любимом человеке. Дарить ей уют и заботиться о ней каждый день. Даже если придётся пожертвовать собственным счастьем. Ведь любовь не поддается логике. Он любит её, даже если она его не любит. Если его любовь заставит её хотя бы улыбнуться, значит, это того стоит.

На работе Макс не мог думать ни о чём, кроме Беллы. Ничего не мог делать, никак не мог вытеснить ее из головы. Будущее без неё никак не мог себе представить...

Может быть, зря он себя так накручивает? – пришла в голову трусливая мысль. Всего из-за какого-то несчастного похода на концерт?

Домой вернулся таким усталым... Чувствовал себя избытым, как будто в подворотне его отутюжили несколько мужиков.

Белла выглядела не лучше. Глаза красные, воспаленные. Подошла к Максиму первая. Заговорила осторожно, тщательно подбирая слова, заглядывая просительно мужу в глаза:

– Макс, прости... Я понимаю как тебе не просто со мной. Мне кажется... я думаю... что у меня всё уже перегорело к Тео. Но мне надо удостовериться в этом... Понимаешь? Не

хочу, чтобы он торчал во мне занозой. Как я это пойму, если буду продолжать прятать голову в песок?

Хрупкий, но, всё-таки, мир между супругами был восстановлен. А окончательно мировая была подписана ночью, в постели.

На следующий день Макс молча положил перед Беллой пригласительные на два лица в ложу Концертного зала Чайковского на концерт Государственного оркестра Краснодарской краевой Филармонии под руководством Теодора Голованова-Галаниса.

31

Логично было предположить, что программу концерта будет завершать 9-я Симфония Малера, написанная более зрелым мастером на 5 лет позже 6-й Симфонии.

Про 6-ю Симфонию Белла всё знала со слов Тео, ещё когда они готовились к поездке в Зальцбург. Ей было любопытно и одновременно страшно услышать, как изменилось видение Тео 6-й Симфонии с тех пор, как они расстались. Осталась ли она «гимном любви», их с Тео любви? Вернулась ли к классической трактовке, соответствующей её названию – «Трагическая»? Или... или стала гимном другой любви, любви Тео и Насти? Но Тео решил иначе, и первое отделение концерта началось с 9-й Симфонии.

Белла специально не стала ни читать про историю написания 9-й симфонии Малера, ни слушать отрывки, ни искать статьи искусствоведов об интерпретации её различными дирижёрами. Для чистоты восприятия. Как учил Тео. Хотела понять его замысел. Услышать его ушами. Вникнуть в созданное его руками.

Так старалась, что, наверное, перестаралась. Первую часть не поняла вообще. Может быть, потому что она вышла рваной из-за звонков чьего-то телефона. Телефон затрезвонил где-то на первых рядах. Белла отчётливо его слышала, поскольку их с Максом места были в боковой ложе, и звонок раздался с их стороны. Хорошо хоть она сидела в глубине ложи, спрятавшись за спину мужа, чтобы Тео, не дай бог, её не увидел. Белле стало так стыдно из-за звонка, что она почувствовала, как покраснели её щеки. И, если на этот, первый, звонок Тео никак не отреагировал, то на второй, с точно такой же мелодией и с той же самой стороны, опустил руки и замер. Оркестранты не смогли остановиться одновременно, музыка закончилась нестройной разноголосицей инструментов.

Сразу по окончании первой части, небывалое дело, по крайней мере, Белла такого ещё ни разу не видела на концертах, Тео ушёл со сцены, и его не было несколько минут. В недоумении были не только зрители, но и оркестр. Так, по крайней мере, показалось Белле.

Обычно, вторая часть симфоний является медленной и

спокойной частью, в противовес динамичному началу. Но здесь – наоборот, было очень громко и истерично. Нарочито грубо звучали басы. И всё время навязчиво повторялась какая-то примитивная мелодия. Если описывать то, как восприняла эту часть Белла, одним словом, то это – вакханалия. А если описывать более развёрнуто – бал Воланда, где Маргарита носится на метле, как ведьма. Так ли описывал бал Булгаков в «Мастере и Маргарите», Белла уже не помнила, поскольку читала знаменитый роман ещё в школе, но именно картина бешено описывающей круги под потолком на метле обнажённой Маргариты крутилась в её голове, пока оркестр играл вальс второй части 9-й Симфонии. Стремительный и совершенно демонический вальс.

На раздавшиеся после второй части аплодисменты Тео не повернулся к зрителям, хотя обычно разворачивался и призывал жестом к молчанию. Жадно выпил полбутылки воды, принесённой из-за кулис, когда уходил со сцены, и продолжил музыку.

Третья часть тоже не дала отдохнуть душе Беллы. В ней звучала тревога, которая всё накручивалась и накручивалась. Светлые, пронзительные кусочки проскакивали за мгновение, сменяясь новым витком напряжённости в ещё более быстром темпе, чем предыдущий фрагмент. И всё это вместе несло куда-то в пропасть.

Тео, по-видимому, тоже устал. Так устал, что присел на дирижёрский подиум, выпил глоток воды, а остальную вы-

лил себе на голову. Это не сильно испортило его облик. Рубаха на спине и так уже прилипла к телу от пота, а из волос на голове сухой была только макушка. Так что, вылив на себя воду, он, можно сказать, просто исправил это недоразумение. Потом Тео встряхнул головой, как пёс после купания, и с тоской посмотрел в ту сторону, откуда раздавались трели телефона, разорвавшие музыкальную ткань первой части Симфонии. Белла буквально вжалась в кресло, потому что ей показалось, что Тео выискивает глазами её, а не обладателя злополучного телефона.

Четвертая часть Симфонии началась бесконечно разворачивающейся, томительно прекрасной мелодией. Что-то в этом слышалось грустное, печальное до безысходности. Чистое, возвышенно-торжественное. Окончание части и Симфонии в целом истаяло в хрупких, еле слышных звуках. Было так тяжело и тоскливо, до слёз. На несколько мгновений в зале повисла тишина, а потом он взорвался бурей аплодисментов и криками «Браво!»

На второе отделение супруги не остались. Гнетущее впечатление от 9-й Симфонии довело Беллу до головной боли. Её даже подташнивало.

Домой возвращались в молчании. Макс с тревогой поглядывал на поникшую жену, которая была сейчас так далеко от него, как никогда, хотя и шла рядом, опираясь на его локоть...

Дома Белла не выдержала, всё-таки, полезла в программ-

ку. «Прощание с иллюзиями. Прощание с жизнью. Отказ от борьбы – ибо дни сочтены и сил больше нет», – такими словами завершился небольшой текст о 9-й Симфонии Малера, напечатанный после сухого перечисления названий её частей. И Белла была согласна с этим определением.

32

Белла погрузилась в себя. В свои мысли о Тео. Ему явно было плохо во время концерта. Заболел? Тогда почему не перенёс концерт? Это же не зарубежные гастролы с их жёсткими контрактными обязательствами. Почему Настя, как его директор и любимая девушка, о нём не позаботилась? Или что-то случилось в его жизни, что выбило его из колеи? Не мог же так подействовать на него звонок невыключенного телефона? Да ни одного концерта не проходит, чтобы какой-нибудь слушатель-раздолбай не забыл выключить звук!

А ещё Белла думала о смысле жизни. Это музыка Малера так на неё подействовала. Не отпускала. Всплывала то дисгармоничной устремлённостью в неизвестность 3-й части. То бешеным вихрем 2-й, символизирующим безграничную свободу. Свободу от всего – от морали, от нравственности, от чести, от достоинства, от совести, от стыда. То истончающимся звучанием 4-й, когда всё неизбежно заканчивается. Жизнь заканчивается. И в чем тогда её смысл? Ведь не важно, как ты живёшь – богато или бедно, одиноко или в кругу

друзей и семьи, праведно или грешно, любишь и любим или не нашёл свою половинку. Конец у всех один...

Белла не замечала, что перестала общаться с мужем. Всё делала на автомате. Как робот. Ходила на работу. Готовила еду. Убиралась в квартире. Чтобы не встречаться с вопро- сительным взглядом Макса, не отвечать на его встревожен- ные вопросы, утром претворялась спящей, дожидаясь пока он уйдёт на работу, а по вечерам бесцельно бродила по ули- цам, чтобы вернуться домой как можно позже. Без сил рух- нуть в кровать и, сославшись на плохое самочувствие, по- вернуться на бок и заснуть, сжавшись в комочек.

33

Что-то плохое должно было случиться. Он это знал. Пред- чувствовал. Но поделать ничего не мог. Что только не пе- репробовал. И разговаривать пытался. И скандалить. Один раз даже замахнулся ударить. И дулся. И тряс Беллу за пле- чи. Всё без толку. Она лишь смотрела на него недоумённым взглядом – я же всё делаю как обычно, какие претензии?

Беллу сбила машина. Она сама была виновата. Переходи- ла дорогу на красный сигнал светофора. Скорую и полицию вызвал водитель, сбивший девушку, и ещё несколько случай- ных прохожих – свидетелей происшествия.

Личность пострадавшей установили сразу. По паспорту. По штампу в паспорте о браке добрались до Макса. Не в правилах полиции звонить гражданам по телефонам, но тут случай был особый. Муж пострадавшей – Максим Витальевич Прилучный оказался чиновником одного из Департаментов Москвы. Какой-никакой, а шишка. Позвонили ему на работу. Даже если бы на мобильный позвонили, Макс всё равно бы сразу поверил звонившему, в мошенничестве не заподозрил бы, потому что предчувствовал, знал – что-то плохое с Беллой может случиться.

Пока мчался в больницу, чего только не лезло в голову. Только не то, что услышал от врача:

– Жизнь Вашей жены и *ребёнка* вне опасности, но...

– Ребёнка? – перебил врача Макс.

– Вы не знали о беременности жены? Тогда, поздравляю! Семь-восемь недель. Про пол пока говорить рано. Беременность ограничивает перечень препаратов, которые можно использовать для её восстановления. Вашей жене придётся остаться под нашим наблюдением ещё, как минимум, на неделю.

– Да-да, конечно... Делайте так, как считаете правильным, – выдавил из себя Макс, оглушенный свалившимся на него известием.

У них с Беллой будет ребёнок. Ребёнок... Общий ребёнок.

Это сообщение об отцовстве не было в жизни Макса пер-

вым, и даже вторым не было, но оно впервые наполнило его душу радостью.

Может быть, он просто уже подзабыл? Давно это было. Первенец, как и у многих, стал неожиданностью. Макс помнил, каким растерянным был, когда его будущая жена объявила, что беременна. И, глядя на его отнюдь не блестящее от счастья лицо, заявила, что намерена рожать в любом случае. Несколько дней ушло на то, чтобы смириться с новыми обстоятельствами, поменять планы на будущее, вписав туда брак и рождение ребёнка. Девушка была любимая, а потому это решение не вызвало раздражения в его душе.

А вот рождению второго ребёнка Макс активно сопротивлялся – и дулся, и уговаривал сделать аборт. Жена не поддавалась. И, слава богу! Рождение второго сына у Макса не вызвало радости, но от этого потом он любил второго не меньше, чем первого. А теперь оба сына уже взрослые, самостоятельные люди. И хорошо, что они есть...

А ведь они тоже в любой момент могут стать отцами, сделав его дедом, – понял Макс. А он их опередил! Станет отцом в третий раз раньше! Хорошо бы родилась девочка. Дочка. Сын тоже не плохо. Ребёнок от Беллы будет любимым и ожидаемым в любом случае! Их ребёнок – вот оно счастье, которое свяжет Беллу с ним крепче металлических цепей!

Её ребёнок – вот смысл её жизни, вот оно, её счастье, – поняла Белла, когда пришла в себя и узнала о беременности.

Василий Тернов был единственным, кто догадывался об истинной причине того, что происходило с Тео на концерте в Москве.

...С новым начальником департамента культуры отношения оркестра не сложились. Была ли в том вина самого руководителя, не испытывающего пиетет перед классической музыкой (он раньше руководил спортом) или некомпетентность Анастасии, сменившей на посту арт-директора Беллу, или неуступчивый характер Теодора, но факт остаётся фактом – атмосфера в Краснодаре с Департаментом культуры складывалась напряжённая. Теодор даже советовался с оркестром о переезде в другой город.

Тем больше Василий обрадовался, когда увидел в фойе Максима Витальевича Прилучного. Уже, было, рванул к нему, не только в порыве поздороваться с приятным человеком, но и в надежде заручиться поддержкой для оркестра. Он, как-никак, в Москве должность занимает, по слухам – на ниве культуры, вдруг, поможет или что подскажет. Рвануть-то рванул, но вовремя остановился, когда увидел женщину, которая подошла к Максиму Витальевичу и пристроилась к нему под локоть. Белла. Так вот к кому она ушла от Тео. Вот ради кого бросила.

Доподлинно, что там произошло между Тео и Беллой, никто в коллективе не знал. Мнения разделились примерно поровну. Одни считали, что виноват Тео, увлѣкшись Анастасией, что подтверждалось её ускоренным вступлением в должность арт-директора и проживанием в доме Тео. Другие утверждали, что это Белла бросила Тео. Заскучала в провинции, решила вернуться в столицу, а то и кем-то там увлеклась, шишкой какой-то, не иначе. За эту версию говорило подавленное состояние Тео. И Настя в этой версии выглядела спасительницей, а не разлучницей. И теперь, когда Василий увидел Беллу под ручку с Максимом Витальевичем, эта, вторая, версия получила подтверждение.

Василий не стал говорить о присутствии парочки на концерте ни оркестрантам, ни Теодору, и потому оказался единственным человеком, кто догадывался о причине такого неадекватного поведения дирижёра на сцене.

Тео почувствовал Беллу. Да, не увидел, а именно почувствовал. Даже Василию, с его места первой скрипки, тѣмный силуэт Беллы лишь угадывался за плечами мужчины, сидевшего в боковой ложе. Да и то, скорее всего, потому, что он знал о её присутствии.

Как назло, с той стороны, где сидела Белла, во время первой части симфонии трезвонил телефон. Тео поневоле напрягся и даже остановил музыку. И дальше его, как магнитом, разворачивало в сторону Беллы. Василий просто физически чувствовал растущее внутреннее напряжение Тео-

дора, дозревшее до паники, что не могло, конечно, не отразиться на его дирижерском посыле оркестру. Тео сопротивлялся своему внутреннему состоянию, пытался справиться с нервозностью – сопротивлялся и музыкальный материал. Эта борьба выматывала Тео, лишала сил. Ему было душно, жарко, не хватало воздуха для дыхания.

Можно было, конечно, приписать его состояние плохому самочувствию из-за повышенного давления или сердечного приступа, но в антракте Василий сунул нос в гримёрку Тео и поймал его мутный, горячечный взгляд:

– У меня глюки... Мне кажется, что Белла где-то рядом... В зале...

35

Возвращение в Краснодар не принесло облегчения Тео. Он не пришёл в себя. Закрылся у себя в доме. Отменил репетиции, а потом и вовсе улетел на Афон. Обретать себя, черпать вдохновение, искать умиротворения на родной земле. Молиться в монастыре, медитировать в одиночестве, заряжаться любовью в родных стенах.

Такое уже однажды было. В тот раз Теодор даже сорвал своё выступление, как дирижёра, за границей. Не посмотрел ни на репутационные потери, ни на сумму неустойки. Василий в то время ещё только влился в оркестр Краснодарской краевой Филармонии, с главным дирижёром близко знаком

не был. В причины такого его поведения не вникал. Удивился только.

Но в этот раз догадывался об истинной причине происходящего с Теодором – Белла. Вернее, её отсутствие. Его тоска по ней.

Через пару недель выяснилось, что Теодор уже вернулся в Краснодар. Выяснилось случайно, когда кто-то из оркестра увидел, как курьер что-то доставил ему домой. Какой-то тяжёлый ящик. Василий, как концертмейстер, начал звонить Теодору, чтобы согласовать график репетиций, но тот упорно не отвечал. Так же упорно не отвечал и на звонки в дверь калитки в заборе, окружающем участок вокруг дома, и на SMS. И тогда Василий забеспокоился. Провёл целое расследование и выяснил, что, скорее всего, Тео никуда не уезжал, а провёл все эти дни в одиночестве здесь, в Краснодаре, в своем доме. Тосковал, заливая тоску водкой. Во всяком случае, в том тяжёлом ящике, который попался на глаза одного из оркестрантов, была именно она – водка.

Василий встревожился. Дни проходили за днями, но Тео на связь не выходил. Его дом был практически всё время погружён в темноту. Свет лишь изредка мелькал в окнах, подтверждая наличие в доме живой души. И Василий понял: осталась последняя надежда, последнее средство вытащить Тео из дома, вернуть к жизни – Белла.

Дозвониться до Максима Витальевича оказалось проще простого. В отличие от Беллы, он номер телефона не менял. Но помочь сам или дать телефон Беллы отказался. Сухим, начальственным тоном попросил, практически, приказал больше его не беспокоить. Как высокая должность и Москва портит людей!

Василий решил не сдаваться. Отправился в Москву. Как заправский детектив, проследил за Максимом Витальевичем от работы до дома. Подкараулил Беллу...

И Белла помчалась в Краснодар спасать Тео, оставив мужу записку: *«Макс, прости. Я улетела в Краснодар. Теодор в беде, я должна ему помочь. Знаю, если бы я попросила разрешения, ты бы не отпустил. Но не волнуйся, со мной всё будет в порядке. Белла»*

Конечно, не разрешил бы. Конечно, не отпустил бы. За что ты так со мной? Подписала бы «Твоя Белла»... Или «Целую. Белла» Всё как-то было бы спокойнее...

И Макс поехал в Краснодар вслед за Беллой. То ли вернуть её домой. То ли просто быть рядом. Потому что остаться одному в четырёх стенах было невыносимо...

На участок Белла проникла через заднюю калитку в заборе, о которой никто из оркестрантов не знал. Впустила через центральную Василия, а потом бригаду наркологов, поскольку, как Василий и предполагал, Тео был в глубоком запое.

Пока врачи делали своё дело, а Василий наводил порядок в доме, Белла проинспектировала содержание холодильника. Заказала кучу еды через интернет-доставку и приступила к готовке. Летала по кухне между кастрюлями, не замечая, что постоянно что-то гундит себе под нос. А всё потому, что была нереально, безгранично счастлива. Счастлива от того, что сейчас она рядом с Тео. Этого, как оказалось, ей было достаточно для счастья. Даже без брака.

Что такое брак? Определений много. Для кого-то брак это счастье, для кого-то – страдание. Но для неё счастье – это просто забота о любимом человеке. Дарить Тео уют, заботиться о нем каждый день. Если это заставит его улыбнуться, значит, это того стоит. Даже если всё, что она для него делает, будет в ущерб собственному счастью. Потому что Тео для неё – целый мир, весь мир...

Тео проснулся от запахов, приятно щекотавших нос. Глаза не открыл, потому что не понял, что проснулся. Не хотел открывать, потому что такой приятный сон снился ему впервые за последнее время. В нём вкусно пахло, в отличие от остальных снов, где из запахов присутствовал только запах перегара. В нём белоснежные ангелы с заботливым выраже-

нием лиц порхали над ним. А главное... Главное – в нём он увидел Беллу. Отчётливо увидел, увидел рядом, а не так как раньше – вдалеке, размыто, уходящей, убегающей, ускользающей от него. Поэтому он длил свой сон...

Но потом к приятным запахам присоединились звуки. Что-то звякало. Как будто кто-то любопытный подошёл к ударной установке и несмело дотрагивался то до барабанов, то до тарелок. Но только когда стало невозможно игнорировать свет, настырно проникающий сквозь закрытые веки, Тео сдался и открыл глаза. Звуки и запахи стали отчётливее. Тео встал и, пошатываясь от слабости, поплёлся по направлению к их источнику – на кухню.

В проёме двери остановился в нерешительности, потому что там сон продолжился. Там была Белла. Это она играла на ударной установке, топчась между столами и плитой, поднимая и опуская крышки кастрюль, помешивая ложкой содержимое сковородок, деловито стуча ножом по разделочной доске, тихонько напевая что-то себе под нос...

С небес на землю Беллу опустил телефонный звонок. Собственно говоря, звонок Белла не слышала, поскольку телефон находился в сумке, а сумка... Сумка находилась где-то. Где-то в доме, конечно, но где – не понятно. Поскольку, когда Белла вошла в дом и увидела, в каком состоянии пребывает Тео, ей стало не до сумки. И вообще ни до чего. Про звонок на телефон она поняла по вибрирующим на руке электронным часам, связанным с телефоном по блютузу.

Белла взгляделась в экран часов – звонил Максим, муж, отец её будущего ребёнка, и почувствовала себя преступницей. Преступницей, у которой сработал электронный браслет³⁰. Потому что она нарушила границы дозволенного. Позволила себе чувствовать себя *вместе* с Тео, *единым целым* с ним.

И Белла поникла...

Тео увидел, что Белла застыла, и в два шага оказался рядом с ней. Прижался к её спине, обнял, зарылся в волосы.

– Белла! Любимая! Ты вернулась!

Его действия отдались болью в сердце Беллы, потому что точно также он поступал каждое утро, пока они были вместе. Неслышно подходил сзади, крепко обнимал, прижимая к груди, зарывался в волосы. Только слова говорил другие – «Доброе утро, любимая!». А она ему отвечала – «Доброе утро, любимый! Ещё пять минуточек, и завтрак будет готов! Быстренько в ванную! Туда и обратно!»

– Доброе утро, Тео! Завтрак будет готов через пять минут. Сходи пока в ванную, – сказала почти тоже самое, что и обычно, Белла.

Тео глубоко вздохнул, чтобы впитать в себя аромат её волос, нежно отодвинул прядь в сторону и поцеловал в плечо. Всё то, что делал всегда.

А когда вернулся назад, на столе уже благоухал аппетитными запахами омлет, с пылу-с жару, с сосисками в беконе и

стояла чашечка ароматного свежесваренного эспрессо. Белла расположилась на противоположном конце стола. Не поднимая глаз, задумчиво помешивала ложкой в чашке с чаем.

Тео накинулся на еду. Ещё бы, столько дней заливать в себя только спиртное! Но, когда утолил первый голод, услышал напряжённую тишину, что разлилась по кухне.

– Белла, что с тобой? Почему ты молчишь?

– Как ты себя чувствуешь? – предпочла не обращать внимания на вопрос Белла.

– Нормально. Как ты узнала?

– Меня нашёл Вася и попросил помочь оркестру.

– И всё? Ты только из-за этого приехала?

– Да...

– Ты фальшивишь, как плохой музыкант! – воскликнул Тео, подскочил к Белле и за плечи поднял её со стула, – Ты любишь меня, я это слышу! Подними на меня глаза! Почему ты не смотришь на меня? Попробуй сказать прямо, что больше меня не любишь!

Белла попыталась посмотреть в глаза Тео, но не смогла, отвела взгляд в сторону.

– Вот видишь! Не можешь. Я совершил ошибку, признаю. Но я уже достаточно наказан. Нельзя же дуться на меня вечно. Поверь мне, больше этого не повторится! Давай начнём всё заново, Белла!

– Ты прав, я люблю тебя...

– Белла, любимая, я ждал, я верил... – вскричал Тео и

попытался поцеловать Беллу, но она выставила вперёд руки и тихо, но твёрдо сказала:

– Я замужем.

– Но ты не любишь своего мужа! Разведись!

– Я не могу так поступить с ним. Он подставил плечо в трудный момент... И очень добр ко мне.

– Прекрати этот позапрошлый век. "Но я другому отдана и буду век ему верна" – процитировал Тео строчки из Пушкина, – Если он любит тебя, то отпустит. Думаешь, он счастлив, зная, что ты не любишь его? Живёшь с ним, а любишь другого.

– У нас будет ребёнок...

Тео как будто удар поддых получил от этих слов, даже хватку ослабил и чуть отодвинулся от Беллы. Невольно посмотрел на живот Беллы и только тут обратил внимание на его слегка округлившиеся формы. Но всё равно продолжил:

– Не важно! Я приму любое твоё решение. Захочешь, я стану ему отцом и буду любить его, как родного.

– Макс никогда не отдаст мне ребёнка.

– Ну и пусть! Родим своего!

Последняя фраза покорила Беллу. Странно было слышать её от Тео, человека глубоко верующего, воцерковлённого.

– Нет, Тео. Нельзя войти в одну реку дважды. Наша с тобой история закончилась.

– Перестань говорить банальности, – рассердился Тео, –

Тебе не идёт. Не понимаю, почему мы должны страдать, если любим друг друга! Наша с тобой история просто сделала небольшой зигзаг. Давай к этому так отнесемся? Не бросай меня снова... Ещё не поздно всё исправить! Никогда не поздно всё исправить! Любимая, вспомни, как мы были счастливы. Вспомни нашу любовь!

Белла отрицательно покачала головой, и Тео вскипел:

– Значит, ты опять хочешь бросить меня?! Хочешь сбегать туда, где я тебя не найду?! Ты – моя! Как ты этого не поймёшь!

И Тео прижал Беллу к себе и впился в её губы. Ей было так больно и так... сладко одновременно. Она едва не теряла сознание. Он прервал поцелуй и прислонился лбом к её лбу. Потёрся носом об её нос:

– Я так хочу тебя! Мне надоело видеть тебя только во сне...

Тео опять потянулся к её губам, но в это время на руке Беллы завибрировали электронные часы, и она очнулась от наваждения. Что есть силы оттолкнула Тео и убежала.

³⁰ – электронное устройство, используемое полицией для подконтрольного лица, находящегося под домашним арестом, либо осужденного к наказанию в виде ограничения свободы с целью его дистанционной идентификации и отслеживания его местонахождения (*из Википедии*)

Василий уговорил Тео сходить на исповедь к настоятелю Свято-Екатерининского Кафедрального Собора. После обстоятельного разговора с батюшкой Тео улетел на Афон к старцам на неопределённое время. Это было последней каплей терпения «выкаблучивания», которое позволял себе художественный руководитель и главный дирижёр Государственного оркестра Краснодарской краевой Филармонии Теодор Голованов-Галанис, со стороны руководства Департамента культуры города. Тео уволили со всех постов с формулировкой «за систематическое нарушение трудовой дисциплины». Так что Тео Василий помог с обретением душевного равновесия, а вот оркестру помочь не удалось. Сколько концертмейстер не обивал порогов начальства, единственное, чего добился, это милостивое обещание «подумать», когда Тео вернётся и если покается.

В оркестре начались разброд и шатания. Новый руководитель коллектива был, конечно, профессионалом, которых много, но не гением, как Тео, которых единицы. До мировой славы ему, а, следовательно, и оркестру надо было опять начинать шагать с нуля. А это не только престиж музыкантов, но и их гонорары, в разы превышающие те, что они могли заработать в России. Наиболее амбициозные и не обременённые семьёй, начали искать и находили места в других известных оркестрах. Те, кому переезд в другой город вместе с домочадцами представлялся огромной проблемой, остались,

смирившись с ситуацией. Таких, надо сказать, было большинство. Были и те, и среди них Василий Тернов, кто решили дождаться возвращения Тео, и решать свою судьбу уже вместе с ним. Скажет любимый руководитель уехать и начать всё заново в другом месте – уедут. Скажет бороться за оркестр в Краснодаре – будем бороться.

39

Чем ближе подходило время родов, тем глубже погружалась Белла в депрессию³¹. В её голову постоянно залетали мысли о том, что не будь она беременна, они с Тео могли бы быть вместе. Она гнала их от себя, но они настырно лезли вновь и вновь. Белла чувствовала свою вину за то, что не ощущает радость за будущее материнство.

Она смотрелась в зеркало и испытывала отвращение к своей расплывшейся фигуре, к своим потухшим глазам и нечесаным волосам. Но на что-то сделать с этим, чтобы исправить положение, у неё не было сил. Она иногда застывала над чем-то обычным, рутинным, что делала каждый день, например, чистила зубы или одевалась, и не могла вспомнить – зачем она это делает? Хорошо, если это была чистка зубов, ну, почистит лишний раз, ничего страшного. А вот куда она собралась идти и поэтому начала одеваться, вспомнить было трудно, а осознавать свою беспомощность – мучительно.

Самым счастливым в этот период её жизни стал сон. Толь-

ко во сне она чувствовала себя счастливой. Сны не отличались разнообразием, но ей это было и не нужно. Засыпая, она думала о Тео, придумывая себе сказочные истории со счастливым концом, и её подсознание подкидывало ей продолжение этих сказок во сне.

31 – причины пренатальной депрессии: нерешенные конфликты, различные страхи, внутреннее неприятие материнства, финансовые и бытовые сложности, наследственность.

40

Сначала Максим не переживал из-за состояния жены. Ну и что, что целыми днями валяется в постели? Лучше так, чем видеть её слезы на ровном месте. Даже из-за того, что любовью они уже несколько месяцев не занимаются, не страдал. Куда с таким животом ещё сексом заниматься? Родит, и всё придёт в норму.

Если бы он мог заглянуть в мысли Беллы, в её сны, не был бы таким беспечным. Испугался бы сильнее, чем тогда, когда Белла вернулась от Тео и с порога начала просить прощения. Вот когда у него сердце чуть не остановилось. Он решил, что она изменила ему с Тео, что хочет бросить его, Макса, вернуться к бывшему любовнику. Возмущённый взгляд Беллы на это его предположение, стал самым целительным бальзамом на его душу. Они тогда договорились не возвращаться

больше к этой теме, забыть обо всём, доверять друг другу. Вот Макс и доверял.

Всполошился уже после родов Беллы. Она не приложила дочку к груди. Даже на руки брать не хотела. Как лежала на кровати до родов, отвернувшись к стене, так и продолжила лежать.

Сначала Макс решил, что это из-за того, что рожала не сама, делали кесарево сечение. Сроки родов все прошли, а родовой активности не наступило, и врачи, опасаясь за жизнь ребёнка, предложили пойти на операцию. Вот и не проснулась материнская любовь.

Намучившись метаться между постоянно плачущей крохой и ни на что не реагирующей, валяющейся как пластиковая кукла, женой, Макс вызвал на дом врача. Мотался по поликлиникам с Беллой, сдающей бесчисленные анализы, пока не дошёл до кабинета психиатра. Тот поставил диагноз – послеродовая депрессия.

Ещё какое-то время ушло на то, чтобы Макс смирился и поверил в несуществующую, по его мнению, болезнь. Но всё равно не мог допустить мысли, что Белла может навредить себе или дочке (склонность жены к самоубийству и убийству ребёнка даже в мыслях не выговаривалась), пока однажды не заметил, с какой ненавистью смотрит Белла на дочь, нависая над её кроваткой. Вот тут Макс испугался, за кого больше – жену или дочку, рассуждать было некогда. И он подписал бумаги о помещении Беллы в стационар, что врач ему сове-

товал сделать уже давно.

41

Не то, чтобы появление Теодора Голованова-Галаниса стало неожиданностью для Максима. Не то, чтобы он этого ждал. Просто знал, что так будет. А знал, потому что сам же *опять* ввёл запрет на посещение Беллы в клинике кем-либо, кроме себя. Понимал, что Теодор будет искать пути обхода запрета и неизбежно будет вынужден обратиться к нему напрямую...

Макс не сразу заметил, что кто-то *посторонний* навещает Беллу в больнице. Поначалу ему было не до этого. С одной стороны, дочка, Маша, Машенька, Машуля. Теплый, родной, беззащитный комочек. С такими тонкими ручками и ножками, что и дотронуться страшно. Страшно, что сделаешь больно, не удержишь. Страшно отдавать в чужие руки. А что делать? Надо работать, зарабатывать деньги. Много-много денег. Потому что все эти молочные смеси, пелёнки-распашонки, памперсы стоят героиновых денег. И их столько надо! Надо и всех этих детских прибабасов, и средств на них.

Но ещё больше денег и душевных сил требуется на Беллу. Молодую, красивую, внешне здоровую и такую... Такую ушедшую, улетевшую в какие-то нереальные дали, в космос, в бездну... Бросившую его с дочкой, оставившую их... Ну,

как в это поверить? Как с этим смириться? И, главное, понять – *почему*? Как сказал врач – если ответить на этот вопрос, то тогда можно будет надеяться на выздоровление, искать методы лечения. Мозг человека – самая неисследованная область человеческого тела. Не потому что его не изучают, а потому что не поддаётся изучению, пониманию. Потому что, как и душа, выходит за рамки материального, граничит с божественным...

Когда Макс заметил чьи-то следы в палате Беллы, сразу понял – это Теодор. И вся ревность, что накопилась в нём за время брака с Беллой, вся ненависть, за нанесённую Белле обиду, иначе она бы не уехала из Краснодара, вся обида за то, что Белла его, Макса, так и не полюбила, обрушилась на Тео. И Макс запретил пускать кого-либо к своей жене.

Абсолютного запрета не получилось. Теодор всё равно находил лазейки, подмазав кого мог, попасть к Белле. Не помог даже разговор с главврачом, где Максим пригрозил перевести Беллу в другую клинику.

Когда старенького главврача с почётом проводили на заслуженный отдых, а на его место назначили молодого и перспективного, Максим воспрял духом – новые начальники, да ещё и молодые, они все борзые, любят наводить свои порядки! Только разговор с Алексеем Сергеевичем сложился совсем не так, как представлял себе Максим Витальевич.

Алексей Сергеевич выслушал претензии Максима к склонному до взяток персоналу больницы и настоятельную

просьбу навести порядок в посещении больных сторонними людьми. Помолчал. И сказал:

– Максим Витальевич! Я изучил историю болезни вашей жены, Светловой Беллы Андреевны, и хочу Вам кое-что показать.

С этими словами он развернул на экране компьютера какие-то графики.

– Это электроэнцефалограммы головного мозга Вашей жены. Верхний график – это работа головного мозга в дневные часы, нижний – в ночные. Обратите внимание вот на эти всплески активности в дневное время и на изменения в энцефалограмме в ночное время, следующие за всплесками днём. А теперь давайте мы с Вами посмотрим на эти же графики, но уже в сравнении с другой пациенткой, не важно, как её зовут. Важно то, что у неё такой же диагноз, как и у Вашей жены. Видите разницу? Вот в этой части они схожи, а в этой кардинально расходятся. И последнее: теперь Вы видите энцефалограмму Вашей жены ночью и в аналогичное время энцефалограмму здорового человека...

Максим окончательно запутался и не понимал, что хочет сказать ему врач. Видя его ошарашенные глаза, Алексей Сергеевич сказал:

– Скажу коротко и простыми словами. Электроэнцефалограмма головного мозга Вашей жены в дневные часы почти полностью соответствует графику пациентки с таким же, как у неё диагнозом, кроме тех коротких всплесков, причи-

ну которых я пока объяснить не могу. Так же, как я пока не знаю, почему вслед за дневной активностью головного мозга, наступает ночная фаза, когда Ваша жена видит сны. Такие же, как мы с Вами. Я пытался найти связь с геомагнитными параметрами атмосферы, с какой-то числовой периодичностью, с изменениями графика приёма лекарств. Но – увы! Никакой связи не обнаружил. У меня есть только одна догадка, но она требует времени на изучение и Вашего содействия. Вы готовы её выслушать?

Макс молча кивнул головой. У него зашкаливало сердце, потому что впервые за 3 года болезни Беллы у него впереди замаячила робкая надежда, что её жизнь может вернуться в нормальное русло. Конечно, он всё готов для этого сделать!

– Я поговорил с персоналом, – начал издали врач, – Ваши жалобы на безответственное поведение некоторых сотрудников нашей клиники вполне обоснованны. Но именно их склонность пренебрегать своими профессиональными обязанностями ради наживы натолкнула меня на мысль – а не связана ли дневная активность головного мозга Вашей жены с некими посещениями? Поскольку Ваши визиты к жене строго фиксировались в Журнале посещений, то их время задокументировано, но, к сожалению, с графиками не совпадает. Остаётся проверить связь с визитами того человека, кого Вы подразумеваете под словом «посторонний». И вот в этом я прошу Вашего содействия.

– Я... Я не понимаю, как одно связано с другим... – хрип-

ло произнёс Макс.

– Я объясню. Если Вы разрешите его визиты, то мы сможем чётко зафиксировать время его прихода. Если это время никоим образом не будет связано ни с дневной, ни с ночной активностью головного мозга пациентки, то я обещаю Вам жёсткое выполнение Вашей просьбы о запрете посещения кем бы то ни было, кроме Вас. Если же на это время придётся дневная активность головного мозга Вашей жены, а потом и ночная, то у нас с Вами появится шанс использовать этого человека, чтобы помочь Вашей жене. Подумайте над этим.

Макс сидел, сгорбившись на стуле, раздавленный полученной информацией. Так больно, так горько было осознавать, что его любовь к Белле ничего не значит для неё. И что даже в своём полуживом состоянии, улетев сознанием за тридевять земель, она чувствует, реагирует на появления Теодора, помнит свою любовь. Одно дело это подозревать, загоняя глубоко в себя, и совсем другое – слышать неприкрытую правду от другого человека.

Алексей Сергеевич видел, понимал, какое воздействие оказали его слова на мужа его пациентки. Но это, в конце концов, не его забота. Его зона ответственности – Белла Светлова. Белла Светлова, которая во сне так светло и счастливо улыбается, что при воспоминании об этом врач тоже слегка улыбнулся.

– И каковы шансы? – выдал из себя Макс.

– Я не могу дать Вам никаких гарантий. Но в любом случае, мы ничего не теряем, кроме времени.

– Сколько времени... это займёт?

– От полугода до года. Всё зависит от частоты посещений.

– Я хочу... быть в курсе всего...

– Это я гарантирую. И обещаю переходить с этапа на этап только после согласования с Вами.

На том они и расстались.

Догадка Алексея Сергеевича подтвердилась. Реакция Беллы была связана с визитами Теодора. И, как ни обидно было это узнать, Максим дал разрешение на его визиты. А, когда у главврача возникла идея, каким образом с помощью Тео попробовать вытянуть Беллу из омута беспомощности, Макс поставил единственное условие – сначала он должен поговорить с Теодором, и только потом принять окончательное решение о проведении эксперимента. Именно для того, чтобы вынудить Тео пойти с ним на контакт, Максим и ввёл *опять* запрет на посещение Беллы в клинике кем-либо, кроме себя. Главврач пообещал содействовать ему в этом.

Расчёт Макса оправдался. Тео пришёл. Только вот пришёл на детскую площадку, где Макс гулял с Машенькой. Остановился поодаль от лавочки, на которой сидел Максим:

– Здравствуйте, Максим Витальевич!

Макс хмуро посмотрел на своего соперника в любви, но ненависти не почувствовал. Пробурчал в ответ что-то нечле-

нораздельное. Неприязненно подумал – чего припёрся на детскую площадку? Разве тут поговоришь? Какие разговоры могут быть там, где электровеником носится трехлетний ребёнок? Помогать Тео начать разговор не собирался. Пусть сам первым рот открывает.

– Максим Витальевич! Разрешите мне посещать Беллу... Не ради меня, ради неё...

Макс стрельнул в Тео косым взглядом при этих словах – это что же, главврач с ним ведёт двойную игру? За его спиной обсуждает её лечение с любовником? Тео вздрогнул от этого взгляда, поспешил добавить:

– Мне медсестра сказала, что после моих посещений её показатели улучшаются...

Макс отвернулся, успокоившись, – ладно, хоть не главврач сказал, понятно, что на все чужие рты платков не нападёшься накидывать.

– Максим Витальевич! – тихо сказал Тео, – Хотите я перед Вами на колени встану? Прямо здесь? Ни перед кем не вставал, кроме Бога и бабушки, а перед Вами встану... У Вас есть дочь, а у меня, кроме Беллы, никого...

– Завтра. В два часа в ресторане гостиницы «Националь».

– Спасибо, Максим Витальевич!

Уходя, Тео думал о том, знает ли Прилучный, что они с Беллой познакомились в «Национале»? Неужели она ему рассказала? И поэтому он назначил там встречу. Или это просто совпадение? Или знак? Тогда, что он означает? Это

знак плохой или хороший? Говорят, нельзя войти в одну и ту же реку дважды. А ещё говорят, что история развивается по спирали, а, если взглянуть на спираль сверху, то вертится по кругу. То, что началось в «Национале», там же и завершится, став концом их с Беллой истории? Или, наоборот, началом, только уже на новом этапе?

42

Макс не собирался разводить церемонии с Тео. Сразу начал забрасывать вопросами, предупредив, что от искренности его ответов зависит, получит он разрешение на посещения Беллы или нет.

– Ты любишь её? – взял сразу быка за рога Максим.

– Люблю...

– Так какого чёрта изменил?!

– Испугался...

– Чего испугался? – ехидно переспросил Макс.

– Испугался того, что она стала заменять собой целый мир... Всё куда-то стало исчезать. Даже музыка отошла на второй план... Испугался того, что я могу в ней исчезнуть... Что я болен ею... Что могу сойти с ума... Решил вырваться из этих отношений... Сделать шаг в сторону... Впустить в наш мир кого-то ещё...

– И как? Получилось? – хмыкнул Макс.

– Всё разрушил, – глядя в сторону застывшим взглядом,

ответил Тео, – Себя... её... Нашу любовь... Всё вокруг...

– Почему не искал?

– Искал... Оказалось, что я почти ничего о ней не знаю. Не знаю, где живут её мама с бабушкой. Не знаю их фамилий. Не знаю её друзей. Где она училась, не знаю. А телефон и домашний адрес она сменила... Понимал, что она вернулась в Москву. Искал её там, где мы с ней гуляли... Сколько раз бежал за женщинами... всё мерещилось, что это она мелькнула... Начал сходить с ума. Чуть не сорвал концерт в зале Чайковского. Казалось, что она где-то здесь, рядом, в зале... Думал, что умру прямо на сцене... Дома понял, что сдохнуть легче, чем так мучиться...

– Однако в петлю не полез и вены себе не перерезал, – опять саркастически хмыкнул Макс, – Чтобы откинуться, решил упиться по старой русской традиции. Хотя, ты же у нас иностранец. И почему все иностранцы, понаехавшие к нам, в первую очередь перенимают привычку все проблемы решать водкой? Ну, это так, вопрос риторический. Что ж не использовал второй шанс вернуть её?

– Я был согласен на всё, на любое её решение, лишь бы она осталась со мной... Но она сказала, что Вы отберёте у неё ребёнка...

В первый раз за время разговора сердце Максима пронзила острая боль. Почему? Ну, почему?!? Почему *их* дочь так важна была Белле до рождения, что она нашла в себе силы отказаться от любимого человека, а после появления на свет

– нет?

– Она была права, – хрипло произнёс Макс, – Машулю я никому не отдам!

Дома, пытаясь разобраться в своих чувствах, разложить всё по полочкам, Максим Витальевич пришёл к выводу, что он уже смирился с тем, что Белла к нему не вернётся. Что его любовь к ней переросла в какое-то щемящее чувство жалости. Даже, если бы она была сейчас здорова – отпустил бы, не стал удерживать. Да и как можно удержать того, кто хочет уйти? Нет, конечно, он её не бросит, если лечение нового главврача клиники не даст положительного результата. И навещать будет, и содержание оплачивать. Только вот ответственности за Беллу нести не будет. Пусть с этим Теодор и клиника справляются. А что касается дочки – Маши, Машеньки, Машули, его последней в жизни любви, самой сильной, самой трепетной, то здесь он не позволит вмешиваться в их мир никому...

43

И снился Белле сон. Будто просыпается она в незнакомом месте. Кругом всё белое. А рядом с ней сидит Тео. Смотрит на неё, держа за руку, улыбается и плачет. Плачет и улыбается. И чей-то бархатный, чувственный мужской голос поёт очень грустную, но какую-то светлую песню³²:

Если бы, если бы, если бы...

Нам на двоих разделиться.

Если бы, если бы мне с ней быть,

Не нарушая границы...

...Правильно, правильно...

Что еще сказать?

Что мне еще хотелось?

Есть цена, и пора ее знать -

Встретимся во снах,

Взмыв за облака...

Встретимся с тобой,

Где чиста любовь,

Где она не обречена –

Встретимся во снах...

И Белла сжимает руку Тео. Плачет и улыбается. Улыбается и плачет...

³² – песня «Встретимся во снах». Музыка – Татьяна Балакирская и Алексей Чумаков. Стихи – Т.Балакирская. Исполнитель – А.Чумаков.

25 мая 2023г – 13 февраля 2024г